

ПОЛНОЕ СОБРАНИЕ СОЧИНЕНИЙ

ЕВГЕНИЙ АБРАМОВИЧ
БОРАТЫНСКИЙ

ТОМ 2
ПОЭМЫ

IM WERDEN VERLAG
МОСКВА - AUGSBURG 2000

Рисунок Боратынского

© «Im Werden Verlag», 2000, 2003 (добавлен рисунок Боратынского)

В интернете: <http://www.imwerden.de>
Email: info@imwerden.de

СОДЕРЖАНИЕ

ПОЭМЫ

Пиры	3
Эда	8
Телема и Макар	21
Бал	24
Переселение душ	38
Цыганка	46

ПИРЫ

Друзья мои! я видел свет,
На всё взглянул я верным оком.
Душа полна была сует,
И долго плыл я общим током...
Безумству долг мой заплачён,
Мне что-то взоры прояснило;
Но, как премудрый Соломон,
Я не скажу: всё в мире сон!
Не всё мне в мире изменило:
Бывал обманут сердцем я,
Бывал обманут я рассудком,
Но никогда ещё, друзья,
Обманут не был я желудком.

Признаться каждый должен в том,
Любовник, иль поэт, иль воин, —
Лишь беззаботный гастроном
Названья мудрого достоин.
Хвала и честь его уму!
Дарами, нужными ему,
Земля усеяна роскошно.
Пускай герою моему,
Пускай, друзья, порою тошно,
Зато не грустно: горя чужд
Среди веселостей вседневных,
Не знает он душевных нужд,
Не знает он и мук душевных.

Трудясь над смесью рифм и слов,
Поэты наши чуть не плачут;
Своих почтительных рабов
Порой красавицы дурачат;
Иной храбрец, в отцовский дом
Являсь уродом с поля славы,
Подозревал себя глупцом, —
О бог стола, о добрый Ком,
В твоих утехх нет отравы!
Прекрасно лирою своей
Добиться памяти людей,
Служить любви ещё прекрасней,
Приятно драться, но, ей-ей,
Друзья, обедать безопасней!

Как не любить родной Москвы!
Но в ней не град первопрестольный,
Не золочёные главы,
Не гул потехи колокольной,
Не сплетни вестницы-молвы
Мой ум пленили своевольный.
Я в ней люблю весельчаков,
Люблю роскошное довольство
Их продолжительных пиров,
Богатой знати хлебосольство
И дарованья поваров.
Там прямо веселы беседы;
Вполне уважен хлебосол;
Вполне торжественны обеды;
Вполне богат и лаком стол.
Уж он накрыт, уж он рядами
Несчётных блюд отягощён
И беззаботными гостями
С благоговеньем окружён.
Ещё не сели; всё в молчанье;
И каждый гость вблизи стола
С весёлой ясностью чела
Стоит в роскошном ожиданье,
И сквозь прозрачный, лёгкий пар
Сияют лакомые блюда,
Златых плодов, десерта груды...
Зачем удел мой слабый дар!
Но так весной ряды курганов
При пробуждённых небесах
Сияют в пурпурных лучах
Под дымом утренних туманов.
Садятся гости. Граф и князь —
В застольном деле все удалы,
И осушают, не ленясь,
Свои широкие бокалы;
Они веселье в сердце льют,
Они смягчают злые толки;
Друзья мои, где гости пьют,
Там речи вздорны, но не колки.
И начались чудеса;
Смешались быстро голоса;
Собранье глухо зашумело;
Своих собак, своих друзей,
Певцов, героев хвалят смело;
Вино разнежило гостей
И даже ум их разогрело.
Тут всё торжественно встаёт,
И каждый гость, как муж толковый,
Узнать в гостиную идёт,
Чему смеялся он в столовой.

Меж тем одним ли богачам
Доступны праздничные чаши?
Немудрены пирушки наши,
Но не уступят их пирам.
В углу безвестном Петрограда,
В тени деревьев, во мраке сада,
Тот домик помните ль, друзья,
Где наша верная семья,
Оставя скуку за порогом,
Соединялась в шумный круг
И без чинов с румяным богом
Делила радостный досуг?
Вино лилось, вино сверкало;
Сверкали блёстки острых слов,
И веки сердце проживало
В немного пламенных часов.
Стол покрывала ткань простая;
Не восхищались на нём
Мы ни фарфорами Китая,
Ни драгоценным хрусталём;
И между тем сынам веселья
В стекло простое бог похмелья
Лил через край, друзья мои,
Своё любимое Аи.
Его звездящаяся влага
Недаром взоры веселит:
В ней укрывается отвага,
Она свободою кипит,
Как пылкий ум, не терпит плена,
Рвёт пробку резвою волной,
И брызжет радостная пена,
Подобье жизни молодой.
Мы в ней заботы потопляли
И средь восторженных затей
„Певцы пируют! — восклицали. —
Слепая чернь, благоговей!“

Любви слепой, любви безумной
Тоску в душе моей тая,
Насилу, милые друзья,
Делить восторг беседы шумной
Тогда осмеливался я.
„Что потакать мечте унылой, —
Кричали вы. — Смелее пей!
Развеселись, товарищ милый,
Для нас живи, забудь о ней!“
Вздыхнув, рассеянно послушный,
Я пил с улыбкой равнодушной;
Светлела мрачная мечта,
Толпой скрывались печали,

И задрожавшие уста
„Бог с ней!“ невнятно лепетали.
И где ж изменница-любовь?
Ах, в ней и грусть — очарованье!
Я испытать желал бы вновь
Её знакомое страданье!
И где ж вы, резвые друзья,
Вы, кем жила душа моя!
Разлучены судьбою строгой, —
И каждый с ропотом вздохнул,
И брату руку протянул,
И вдаль побрёл своей дорогой;
И каждый в горести немой,
Быть может, праздную мечтой
Теперь былое пролетает
Или за трапезой чужой
Свои пиры воспоминает.
О, если б тёплой мольбой
Обезоружив гнев судьбины,
Перенестись от скал чужбины
Мне можно было в край родной!
(Мечтать позволено поэту.)
У вод домашнего ручья
Друзей, разбросанных по свету,
Соединил бы снова я.
Дубравой тёмной осенённый,
Родной отцам моих отцов,
Мой дом, свидетель двух веков,
Поникнул кровлею смирённой.
За много лет до наших дней
Там в чаши чашами стучали,
Любили пламенно друзей
И с ними шумно пировали...
Мы, те же сердцем в век иной,
Сберёмтесь дружеской толпой
Под мирный кров домашней сени:
Ты, верный мне, ты, Д<ельви>г мой,
Мой брат по музам и по лени,
Ты, П<ушки>н наш, кому дано
Петь и героев, и вино,
И страсти молодости пылкой,
Дано с проказливым умом
Быть сердца верным знатоком
И лучшим гостем за бутылкой.
Вы все, делившие со мной
И наслажденья и мечтанья,
О, поспешите в домик мой
На сладкий пир, на пир свиданья!

Слепой владычицей сует
От колыбели позабытый,
Чем угостит анахорет,
В смиренной хижине укрытый?
Его пустынный обед
Не будет лакомый, но сытый.
Весёлый будет ли, друзья?
Со дня разлуки, знаю я,
И дни и годы пролетели,
И разгадать у бытия
Мы много тайного успели;
Что ни ласкало в старину,
Что прежде сердцем ни владело —
Подобно утреннему сну,
Всё изменило, улетело!
Увы! на память нам придут
Те песни за весёлой чашей,
Что на Парнасе берегут
Преданья молодости нашей:
Собранье пламенных замет
Богатой жизни юных лет,
Плоды счастливого забвенья,
Где воплотить умел поэт
Свои живые сновиденья...
Не обрести замены им!
Чему же веру мы дадим?
Пирам! В безжизненные лета
Душа остывшая согрета
Их утешением живым.
Пускай навек исчезла младость —
Пируйте, други: стуком чаш
Авось приманенная радость
Ещё заглянет в угол наш.

1820, <1832>

„Соревнователь просвещения и благотворения“, 1821, ч. 13, № 3

ЭДА

„Чего робеешь ты при мне,
Друг милый мой, малютка Эда?
За что, за что наедине
Тебе страшна моя беседа?
Верь, не коварен я душой;
Там, далеко, в стране родной,
Сестру я добрую имею,
Сестру чудесной красоты;
Я нежно, нежно дружен с нею,
И на неё похожа ты.
Давно... что делать?... но такая
Уж наша доля полковая!
Давно я, Эда, не видал
Родного счастливого края,
Сестры моей не целовал!
Лицом она, будь сердцем ею,
Мечте моей не измени
И мне любовь твою
Её любовь напояни!
Мила ты мне. Веселье, муку —
Всё жажду я делить с тобой;
Не уходи, оставь мне руку!
Доверься мне, друг милый мой!“

С улыбкой вкрадчивой и льстивой
Так говорил гусар красивый
Финляндке Эде. Русь была
Ему отчизной. В горы Финна
Его недавно завела
Полков бродячая судьбина.
Суровый край, его красам,
Пугаяся, дивятся взоры;
На горы каменные там
Поверглись каменные горы;
Синея, всходят до небес
Их своенравные громады;
На них шумит сосновый лес;
С них бурно льются водопады;
Там дол очей не веселит;
Гранитной лавой он облит;
Главу одевши в мох печальный,
Огромным сторожем стоит

На нём гранит пирамидальный;
По дряхлым скалам бродит взгляд;
Пришлец исполнен смутной думы.
Не мира ль давнего лежат
Пред ним развалины угрюмы?
В доселе счастливой глуши,
Отца простого дочь простая,
Красой лица, красой души
Блистала Эда молодая.
Прекрасней не было в горах:
Румянец нежный на щеках,
Летучий стан, волосы золотые
В небрежных кольцах по плечам,
И очи бледно-голубые,
Подобно финским небесам.

День гаснул, скалы позлащая.
Пред хижиной своей одна
Сидела дева молодая,
Лицом спокойна и ясна.
Подсел он скромно к деве скромной,
Завёл он кротко с нею речь;
Её не мыслила пресечь
Она в задумчивости томной,
Внимала слабым сердцем ей, —
Так роза первых вешних дней
Лучам неверным доверяет:
Почуя тёплый ветерок,
Его лобзаньям открывает
Благоуханный свой шипок
И не предвидит хлад суровый,
Мертвящий хлад, дохнуть готовый.
В руке гусара моего
Давно рука её лежала,
В забвеньи сладком, у него
Она её не отнимала.
Он к сердцу бедную прижал;
Взор укоризны, даже гнева
Тогда поднять хотела дева,
Но гнева взор не выражал.
Весёлость ясная сияла
В её младенческих очах,
И наконец в таких словах
Ему финляндка отвечала:
„Ты мной давно уже любим,
Зачем же нет? Ты добродушен,
Всегда заботливо послушен
Малейшим прихотям моим.
Они докучливы бывали;
Меня ты любишь, вижу я, —

Душа признательна моя.
Ты мне любезен: не всегда ли
Я угождать тебе спешу ?
Я с каждым утром приношу
Тебе цветы; я подарила
Тебе кольцо; всегда была
Твоим весельем весела;
С тобою грустным я грустила.
Что ж? Я и в этом погрешила:
Нам строго, строго не велят
Дружиться с вами. Говорят,
Что вероломны, злобны все вы;
Что вас бежать должны бы девы,
Что как-то губите вы нас,
Что пропадёшь, когда полюбишь;
И ты, я думала не раз,
Ты, может быть, меня погубишь“ .
— „Я твой губитель, Эда? Я?
Тогда пускай мне казнь любую
Пошлёт небесный судия!
Нет, нет! я с тем тебя целую!“
— „На что? зачем? Какой мне стыд!“ —
Младая дева говорит.
Уж поздно. Встать, бежать готова
С негодованием она,
Но держит он. „Постой! Два слова!
Постой! Ты взорами сурова,
Ужель ты мной оскорблена?
О нет, останься: миг забвенья,
Минуту шалости прости! „
— „Я не сержуся; но пусти!“
— „Твой взор исполнен оскорбленья,
И ты лицом не можешь лгать:
Позволь, позволь для примиренья
Тебя ещё поцеловать“ .
— „Оставь меня!“
— „Мой друг прекрасный!
И за ребяческую блажь
Ты неизвестности ужасной
Меня безжалостно предашь!
И не поймешь моё страданье!
И такова любовь твоя!
Друг милый мой, одно лобзанье,
Одно, иль ей не верю я!“

И дева бедная вздохнула,
И милый лик свой, до того
Отвороченный от него,
К нему тихонько обернула.

Как он самим собой владел!
С какою медленностью томной,
И между тем как будто скромной,
Напечатлеть он ей умел
Свой поцелуй! Какое чувство
Ей в грудь младую влил он им!
И лобызанием таким
Владеет хладное искусство!
Ах, Эда, Эда! Для чего
Такое долгое мгновенье
Во влажном пламени его
Пила ты страстное забвенье?
Теперь, полна в душе своей
Желанья смутного заботой,
Ты освежительной дремотой
Уж не сомкнешь своих очей;
Слетят на ложе сновиденья,
Тебе неизвестные досель,
И долго жаркая постель
Тебе не даст успокоенья.
На камнях розовых твоих
Весна игриво засветлела,
И ярко-зелен мох на них,
И птичка весело запела,
И по гранитному одру
Светло бежит ручей серебристый,
И лес прохладною душистой
С востока веет поутру;
Там за горою дол таится,
Уже цветы пестреют там;
Уже черёмух фимиам
Там в чистом воздухе струится,
Своею негою страшна
Тебе волшебная весна.
Не слушай птички сладкогласной!
От сна восставшая, с крыльца
К прохладе утренней лица
Не обращай и в дол прекрасный
Не приходи, а сверх всего —
Беги гусара твоего!

Уже пустыня сном объята;
Встал ясный месяц над горой,
Сливая свет багряный свой
С последним пурпуром заката;
Двойная, трепетная тень
От чёрных сосен возлегает,
И ночь прозрачная сменяет
Погасший неприметно день.
Уж поздно. Дева молодая,

Жарка ланитами, встает
И молча, глаз не подымая,
В свой угол медленно идёт.

Была беспечна, весела
Когда-то добренькая Эда;
Одною Эдой и жила
Когда-то девичья беседа;
Она приветно и светло
Когда-то всем глядела в очи.
Что ж изменить её могло?
Что ж это утро облекло,
И так внезапно, в сумрак ночи?
Она рассеянна, грустна;
В беседах вовсе не слышна;
Как прежде, ясного привета
Ни для кого во взорах нет;
Вопросы долго ждут ответа,
И часто странен сей ответ;
То жарки щеки, то бесцветны,
И, тайной горести плоды,
Нередко свежие следы
Горючих слёз на них заметны.

Бывало, слишком зашалит
Неосторожный постоялец —
Она к устам приставит палец,
Ему с улыбкой им грозит.
Когда же ей он подарит
Какой-нибудь наряд дешёвый,
Финляндка дивной ей обновой
Похвастать к матери бежит,
Меж тем его благодарит
Весёлым книксом. Шаловливо
На друга сонного порой
Плеснёт холодною водой
И убегает торопливо,
И долго слышен громкий смех.
Её трудов, её утех
Всегда в товарищи малюткой
Бывал он призван с милой шуткой.
Взойдет ли утро, ночи ль тень
На усыпленные холмы ляжет,
Ему красotka „добрый день“
И „добру ночь“ приветно скажет.

Где время то? При нём она
Какой-то робостию ныне
В своих движеньях смущена;
Весёлых шуток и в помине

Уж нет; незначащих речей
С ним даже дева не заводит,
Как будто стал он недруг ей;
Зато порой с его очей
Очей задумчивых не сводит,
Зато порой наедине
К груди гусара вся в огне
Бедняжка грудью припадает
И, страсти гибельной полна,
Сама уста свои она
К его лобзаньям обращает;
А в ночь бессонную, одна,
Одна с раскаяньем напрасным,
Сама волнением ужасным
Души своей уstraшена,
Уныло шепчет: „Что со мною?
Мне с каждым днём грустней, грустней;
Ах, где ты, мир души моей!
Куда пойду я за тобою!“
И слёзы детские у ней
Невольно льются из очей.

Она была не без надзора.
Отец её, крутой старик,
Отчасти в сердце к ней проник.
Он подозрительного взора
С несчастной девы не сводил;
За нею следом он бродил,
И подсмотрел ли что такое,
Но только молодой шалун
Раз видел, слышал, как ворчун
Взад в вперед в своём покое
Ходил сердито; как потом
Ударил сильно кулаком
Он по столу и Эде бедной,
Пред ним трепещущей и бледной,
Сказал решительно: „Поверь,
Несдобровать тебе с гусаром!
Вы за углами с ним недаром
Всегда встречаетесь. Теперь
Ты рада слушать негодяя,
Худому выучит. Беда
Падёт на дуру. Мне тогда
Забота будет небольшая:
Кто мой обычай ни порочь,
А потаскушка мне не дочь“.
Тихонько слезы отирая
У грустной Эды: „Что ворчать? —
Сказала с кротостию мать. —
У нас смиренная такая

До сей поры была она.
И в чём теперь её вина?
Гресишь, бедняжку обижая“.
— „Да, — молвил он, — ласкай её,
А я сказал уже своё“.

День после, в комнатке своей,
Уже вечернею порою,
Одна с привычною тоскою,
Сидела Эда. Перед ней
Святая Библия лежала.
На длань склонённая челом,
Она рассеянным перстом
Рассеянно перебирала
Её измятые листы
И в дни сердечной чистоты
Невольной думой улетала.
Взошёл он с пасмурным лицом,
В молчанье сел, в молчанье руки
Сжал на груди своей крестом;
Приметы скрытой, тяжкой муки
В нём всё являло. Наконец:
„Долг от меня, — сказал хитрец, —
С тобою требует разлуки.
Теперь услышать милый глас,
Увидеть милые мне очи
Я прихожу в последний раз;
Покроет землю сумрак ночи
И навсегда разлучит нас.
Виною твой отец суровый,
Его укоры слышал я;
Нет, нет, тебе любовь моя
Не нанесёт печали новой!
Прости!“ Чуть дышаща, бледна,
Гусара слушала она.
„Что говоришь? Возможно ль? Ныне?
И навсегда, любезный мой!.. „
— „Бегу отселе; но душой
Останусь в милой мне пустыне.
С тобою видеть я любил
Потоки те же, те же горы;
К тому же небу возводил
С небесной радостью взоры;
С тобой в разлуке свету дня
Уже не радовать меня!
Я волю дал любви несчастной
И погубил, доверясь ей,
За миг летящий, миг прекрасный
Всю красоту грядущих дней.
Но слушай! Срок остался краткой:

Пугаясь ревнивых глаз,
Везде преследующих нас,
Доселе мельком и украдкой
Видались мы; моей мольбой
Не оскорбись. На расставанье
Позволь, позволь иметь с тобой
Мне безмятежное свиданье!
Лишь мраки ночи низойдут,
И сном глубоким до денницы
Отяжелелые зеницы
Твои домашние сомкнут,
Приду я к тихому приюту
Моей любезной, — о, покинь
Девичий страх и на минуту
Затвор досадный отодвинь!
Прильну в безмолвии печальном
К твоим устам, о жизнь моя,
И в лобызании прощальном
Тебе оставлю душу я“.

Прискорбно дева поглядела
На обольстителя; не смела,
Сама не зная почему,
Она довериться ему:
Бедою что-то ей грозило;
Какой то страх в неё проник;
Ей смутно сердце говорило,
Что не был прост его язык.
Святая книга, как сначала,
Ещё лежавшая пред ней,
Ей долг её напоминала.
Ко груди трепетной своей
Прижав её: „Нет, нет, — сказала, —
Зачем со злобою такой
Играть моею простотой?
Иль мало было прегрешений?
Ещё ль, ещё ль охотный слух
Склоню на голос искушений?
Оставь меня, лукавый дух!
Оставь, без новых угрызений“.

Но вправду враг ему едва ль
Не помогал: с такую силой
Излил он ропот свой, печаль
Столь горько выразил, что жаль
Гусара стало деве милой;
И слёзы падали у ней
В тяжёлых каплях из очей.
И в то же время то моленья,
То пени расточал хитрец.

„Что медлишь? Дороги мгновенья! —
К ней приступил он наконец. —
Дай слово!“ — „Всею душой тоскуя,
Какое слово дать могу я, —
Сказала, — сжался надо мной!
Владею ль я сама собой!
И что я знаю!“ Пылко, живо
Тут к сердцу он её прижал.
„Я буду, жди меня!“ — сказал,
Сказал и скрылся торопливо.

Уже и холмы и поля
Покрыты мраками густыми.
Смиранный ужин разделя
С неприхотливыми родными,
Вошла девица в угол свой,
На дверь задумчиво взглянула.
„Поверь, опасен гость ночной!“ —
Ей совесть робкая шепнула,
И дверь её заложена.
В бумажки мягкие она
Златые кудри завернула,
Сняла поспешно, как-нибудь
Дня одеяния неловки,
Тяжело дышащую грудь
Освободила от шнуровки,
Легла и думала заснуть.
Уж поздно, полночь, но ресницы
Сон не смыкает у девицы:
„Стучаться будет он теперь.
Зачем задвинула я дверь?
Я своенравна, в самом деле.
Пущу его: ведь миг со мной
Пробудет здесь любезный мой,
Потом навек уйдет отселе“.
Так мнит уж девица, и вот
С одра тихохонько встает,
Ко двери с трепетом подходит,
И вот задвижки роковой
Уже касается рукой;
Вот руку медленно отводит,
Вот приближает руку вновь;
Железо двинулось — вся кровь
Застыла в девушке несчастной,
И сердце сжала ей тоска.
Тогда же чуждая рука
Дверь пошатнула: „Друг прекрасный,
Не бойся, Эда, это я!“
И, от смятенья дух тая,
Полна неведомого жара,

Девушка бедная моя
Уже в объятиях гусара.

Увы! досталась в эту ночь
Ему желанная победа:
Чувств упоённых превозмочь
Ты не могла, бедняжка Эда!
Заря багрянит свод небес.
Восторг обманчивый исчез;
С ним улетел и призрак счастья;
Открылась бездна нищеты,
Слезами скорби платишь ты
Уже за слёзы сладострастья!
Стыдясь пылающего дня,
На крае ложа рокового
Сидишь ты, голову склоня.
Взгляни на друга молодого!
Внимай ему: нет, нет, с тобой
Он не снесёт разлуки злой;
Тебе все дни его и ночи;
Отец его не устрасит,
Он подозренья усыпит,
Обманет бдительные очи;
Твой будет он, покуда жив...
Напрасно всё; она не внемлет,
Очей на друга не подымлет,
Уста безмолвные раскрыв,
Потупя в землю взор незрячий;
Ей то же друга разговор,
Что ветер, бессмысленно свистящий
Среди ущелин финских гор.

Недолго, дева красоты,
Предателя чуждалась ты,
Томяся грустью безотрадной!
Ты уступила сердцу вновь:
Простила нежная любовь
Любви коварной и нещадной.

Идёт поспешно день за днем.
Гусару дева молодая
Уже покорствуется во всем.
За ним она, как лань ручная,
Повсюду ходит. То четой
Приемлет их в полдневный зной
Густая сень дубровы сонной,
То зазовёт дремучий бор,
То приглашают гроты гор
В свой сумрак неги благосклонной;
Но чаще сходятся они

В долу соседственном, глубоком.
В густой рябиновой сени
Над быстро льющим потоком
Они садятся на траву.
Порой любовник в томной лени
Послушной деве на колени
Кладёт беспечную главу
И лёгким сном глаза смыкает.
Дух притаив, она внимает
Дыханью друга своего;
Древесной веткой отвевает
Докучных мошек от него;
Его волнистыми власами
Играет детскими перстами.
Когда ж подыметя луна
И дикий край под ней задремлет,
В приют укромный свой она
К себе на одр его приемлет.
Но дева нежная моя
Томится тайною тоскою.
Раз обыкновенною порою
У вод любимого ручья
Они сидели молчаливо.
Любовник в тихом забытьи
Глядел на светлые струи,
Пред ним бегущие игриво.
Дорогой сорванный цветок
Он как-то бросил в быстрый ток.
Вздохнула дева молодая;
На друга голову склоня.
„Так, — прошептала, — и меня,
Миг полелея, полаская,
Так на погибель бросишь ты!“
Уста незлобной красоты
Улыбкой милой улыбнулись,
Но скорбь взяла-таки своё,
И на ресницах у неё
Невольню слёзы навернулись.
Она косынкою своей
Их отёрла и, веселей
Стараяся глядеть на друга:
„Прости! Безумная тоска!
Сегодня жизнь моя сладка,
Сегодня я твоя подруга,
И завтра будешь ты со мной,
И день ещё, и, статья может,
Я до разлуки роковой
Не доживу, господь поможет!“

Невинной нежностью не раз
Она любовника смущала
И сожаленье в нём подчас
И угрызенье пробуждала;
Но чаще, чаще он скучал
Её любовь тоскливой
И миг разлуки призывал
Уж как свободы миг счастливый.
Не тщетно!

Буйный швед опять
Не соблюдает договоров,
Вновь хочет с русским испытать
Неравный жребий бранных споров.
Уж переходят за Кюмень
Передовые ополченья, —
Война, война! Грядущий день —
День рокового разлученья.

Нет слёз у девы молодой.
Мертва лицом, мертва душой,
На суету походных сборов
Глядит она: всему конец!
На ней встревоженный хитрец
Остановить не может взоров.
Сгустилась ночь. В глубокий сон
Всё погрузилось. Унылый,
В последний раз идёт он к милой.
Ей утешенья шепчет он,
Её лобзает он напрасно.
Внимает, чувства лишена;
Даёт лобзать себя она,
Но безответно, безучастно!
Мечтанья все бежали прочь.
Они томительную ночь
В безмолвной горести проводят.
Уж в путь зовёт сиянье дня,
Уже ретивого коня
Младому воину подводят,
Уж он садится. У дверей
Пустынной хижины своей
Она стоит, мутна очами.
Девушка бедная, прости!
Уж по далекому пути
Он поскакал. Уж за холмами
Не виден он твоим очам...
Согнув колена, к небесам
Она сперва воздела руки,
За ним простёрла их потом
И в прах поверглася лицом
С глухим стенаньем смертной муки.

Сковал потоки зимний хлад,
И над стремнинами своими
С гранитных гор уже висят
Они горами ледяными.
Из-под одежды снеговой
Кой-где вставая головами,
Скалы чернеют за скалами,
Во мгле волнистой и седой
Исчезло небо. Зашумели,
Завыли зимние метели.
Что с бедной девицей моей?
Потух огонь её очей;
В ней Эды прежней нет и тени,
Изнемогает в цвете дней;
Но чужды слёзы ей и пени.
Как небо зимнее, бледна,
В молчанье грусти безнадежной
Сидит недвижно у окна.
Сидит и бури вой мятежный
Уныло слушает она,
Мечтая: „Нет со мною друга;
Ты мне постыл, печальный свет!
Конца дождусь ли я иль нет?
Когда, когда сметёшь ты, вьюга,
С лица земли мой лёгкий след?
Когда, когда на сон глубокий
Мне даст могила свой приют
И на неё сугроб высокий,
Бушующая, ветры нанесут?“

Кладбище есть. Теснятся там
К холмам холмы, кресты к крестам,
Однообразные для взгляда;
Их (меж кустами чуть видна,
Из круглых камней сложена)
Обходит низкая ограда.
Лежит уже давно за ней
Могила девицы моей.
И кто теперь её отыщет,
Кто с нежной грустью навестит?
Кругом всё пусто, всё молчит;
Порою только ветер свищет
И можжевельник шевелит.

1824-25, <1832>

„Мнемозина: Собрание сочинений в стихах и прозе“, Ч. 4, М., 1825.

ТЕЛЕМА И МАКАР

Непостоянна, своевольна,
Ничем Телема не довольна;
Всегда душа её полна
Младенческого беспокойства;
Любила толстяка она
Совсем иного с нею свойства:
Макар не тужит ни о чем,
Ему покой всего дороже;
С весельем шумным незнаком,
Он незнаком со скукой тоже;
Заснёт он ночью крепким сном,
Едва глаза свои зажмурит;
Поутру встанет молодцом,
День целый после балагурит.
В любви причудливой своей
К Макару часто нестерпимой
Была Телема: милым ей
Хотелось быть боготворимой.
Однажды, чем-то оскорбясь,
Увлёкшись живостью сердечной,
В упрёках горьких излилась
Пред ним она. Макар беспечный
Покинул бедную, смеясь.
Без друга скучно и уныло
Тянулись дни. Из края в край
За ним бежать она давай:
Жить без Макара тошно было.

Надежды ветреной полна,
Приходит в Царское она.
Того ли встретит, иль другого:
„Не здесь ли милый мой дружок?
Макара нет ли дорогого?“
Никто без хохота не мог
Услышать имени такого.
„Какой Макар тобой любим?
Как разлучилась ты с ним?
Что он, голубушка, за диво?“
Она в ответ нетерпеливо:
„Нет лучше друга моего;
Он добродушен, доброхотен,
Весёлонравен, беззаботен,

Не ненавидит никого
И сам никем не ненавидим“.
„Ступай, — ответствовали ей, —
Здесь нет его: таких людей
Мы при дворе совсем не видим“.

Решилась далее идти
Моя беглянка молодая;
Заходит в лавру по пути,
Макара мирного найти
В сей мирной пристани мечтая.
Игумен ей: „Сказать ли вам?
Его мы долго поджидали;
Но, признаюсь, по пустякам!
Посты, раздор и скуку нам
В замену стены наши дали“.
Один неласковый чернец
Сказал вертушке наконец:
„Охота по миру шататься!
Найдется ль, полно, ваш беглец?
На том он свете, может стать!“

Телему сей живой мертвец
Чуть не взбесил таким приветом.
„Его найду я, мой отец,
Не беспокойтесь об этом.
Нет! о Макаре дорогом
Не понапрасну я тоскую:
Одна я жизнь ему дарую;
Не может быть он в мире том,
Когда я в этом существую!“

„Но где же встречу друга я? —
Мечтает странница моя. —
В столице? что же? не чудесно:
Между певцами, верно, он,
Которыми изображен
Он столь искусно и прелестно“.
Один из них ей молвил так:
„Вы обманулися, никак;
Не появлялся, к сожаленью,
И между нами ваш чудака;
О нём мы пишем кое-как,
По одному воображенью!“

Совет пред нею. На него
Взглянула странница — и мимо:
„Нет, для Макара моего
Такое место нестерпимо!
Там нет его. Не спорю в том:

Прельститься мог бы он двором,
Двор полон чудного угара;
Но за присутственным столом
Ввек не увижу я Макара!“
Надеясь друга повстречать,
Телема стала навещать
Гулянья, зрелища столицы,
Ко всем заглядывала в лица —
По пустякам! Приглашена
В дома блестящие она,
Где те счастливыцы председатель,
Которых светским языком
Людьми с утонченным умом,
Людьми со вкусом называют;
Они приветливы лицом,
Речами веселы, свободны
И с милым сердцу беглецом
Ей показались очень сходны.
Но чем с Макаром дорогим
Похожей быть они старались,
Тем от прямого сходства с ним
Они заметней удалялись!

Тоска, печаль её взяла;
Наскуча бегать по-пустому
Из места в место, побрела
Она тихохонько до дому.
В давно покинутый приют
Приходит странница — и что же?
Уже Макар с улыбкой тут
Подругу ждал на брачном ложе.
„Со мною в мире и любви, —
Он молвил, — с этих пор живи;
Живи, о лишнем не тоскуя,
И коль расстаться вновь со мной
Не хочешь, нрава тишиной
Себе приязнь мою даруя,
От угожденья моего
Не требуй более того,
Что я даю, что дать могу я“.

< 1827 >

„Северные цветы на 1827 год“

БАЛ

Глухая полночь. Строем длинным,
Осеребрённые луной,
Стоят кареты на Тверской
Пред домом пышным и старинным.
Пылает тысячью огней
Обширный зал; с высоких хоров
Ревут смычки; толпа гостей;
Гул танца с гулом разговоров.
В роскошных перьях и цветах,
С улыбкой мёртвой на устах,
Обыкновенной рамой бала,
Старушки светские сидят
И на блестящий вихорь зала
С тупым вниманием глядят.

Кружатся дамы молодые,
Не чувствуют себя самих;
Драгими камнями у них
Горят уборы головные;
По их плечам полунагим
Златые локоны летают;
Одежды лёгкие, как дым,
Их лёгкий стан обозначают.
Вокруг пленительных харит
И суетится и кипит
Толпа поклонников ревнивых;
Толкует, ловит каждый взгляд;
Шутя, несчастных и счастливых
Вертушки милые творят.

В движеньи всё. Горя добиться
Вниманья лестного красы,
Гусар крутит свои усы,
Писатель чопорно острится,
И оба правы: говорят,
Что в то же время можно дамам,
Меня слева взгляд на взгляд,
Смеяться справа эпиграммам.
Меж тем и в лентах и в звездах,
Порою с картами в руках,
Выходят важные бояры,
Встав из-за ломберных столов,

Взглянуть на мчащиеся пары
Под гул порывистый смычков.

Но гости глухо зашумели,
Вся зала шёпотом полна:
„Домой уехала она!
Вдруг стало дурно ей“. — “Ужели?“ —
„В кадрили весело вертись,
Вдруг помертвела!“ — “Что причиной?
Ах, боже мой! Скажите, князь,
Скажите, что с княгиней Ниной,
Женою вашею?“ — „Бог весть,
Мигрень, конечно!.. В сюрсах шесть“.
„Что с ней, кузина? танцевали
Вы в ближней паре, видел я?
В кругу пристойном не всегда ли
Она как будто не своя?“

Злословье правду говорило.
В Москве меж умниц и меж дур
Моей княгине чересчур
Слыть Пенелопой трудно было.
Презренья к мнению полна,
Над добродетелию женской
Не насмехается ль она,
Как над ужимкой деревенской?
Кого в свой дом она манит,
Не записных ли волокит,
Не новичков ли миловидных?
Не утомлён ли слух людей
Молвой побед её бесстыдных
И соблазнительных связей?

Но как влекла к себе всеильно
Её живая красота!
Чьи непорочные уста
Так улыбались умильно!
Какая бы Людмила ей,
Смирясь, лучей благочестивых
Своих лазоревых очей
И свежести ланит стыдливых
Не отдала бы сей же час
За яркий глянец чёрных глаз,
Облитых влагой сладострастной,
За пламя жаркое ланит?
Какая фее самовластной
Не уступила б из харит?

Как в близких сердцу разговорах
Была пленительна она!

Как угодительно-нежна!
Какая ласковость во взорах
У ней сияла! Но порой,
Ревнивым гневом пламенея,
Как зла в словах, страстна собой,
Являлась новая Медея!
Какие слёзы из очей
Потом катилися у ней!
Терзая душу, проливали
В неё томленье слезы те;
Кто б не отёр их у печали,
Кто б не оставил красоте?

Страшись прелестницы опасной,
Не подходи: обведена
Волшебным очерком она;
Кругом её заразы страстной
Исполнен воздух! Жалок тот,
Кто в сладкий чад его вступает:
Ладью пловца водоворот
Так на погибель увлекает!
Беги её: нет сердца в ней!
Страшись вкрадчивых речей
Одуревающей приманки;
Влюблённых взглядов не лови:
В ней жар упившейся вакханки,
Горячки жар — не жар любви.

Так, не сочувствия прямого
Могуществом увлечена —
На грудь роскошную она
Звала счастливец молодого;
Он пересоздан был на миг
Её живым воображеньем;
Ей своенравный зрелся лик,
Она ласкала с упоеньем
Одно видение своё.
И гасла вдруг мечта её:
Она вдалась в обман досадный,
Её прельститель ей смешон,
И средь толпы Лаисе хладной
Уж неприметен будет он.

В часы томительные ночи,
Утех естественных чужда,
Так чародейка иногда
Себе волшебством тешит очи:
Над ней слились из облаков
Великолепные чертоги;
Она на троне из цветов,

Ей угождают полубоги.
На миг один восхищена
Живым видением она;
Но в ум приходит с изумленьем,
Смеётся сердца забытью
И с тьмой сливает мановеньем
Мечту блестящую свою.

Чей образ кисть нарисовала?
Увы! те дни уж далеко,
Когда княгиня так легко
Воспламенялась, остывала!
Когда, питомице прямой
И Эпикура и Ниноны,
Летучей прихоти одной
Ей были ведомы законы!
Посланник рока ей предстал;
Смущённый взор очаровал,
Поработил воображенье,
Слиял все мысли в мысль одну
И пролил страстное мученье
В глухую сердца глубину.

Красой изнеженной Арсений
Не привлекал к себе очей:
Следы мучительных страстей,
Следы печальных размышлений
Носил он на челе; в очах
Беспечность мрачная дышала,
И не улыбка на устах —
Усмешка праздная блуждала.
Он незадолго посещал
Края чужие; там искал,
Как слышно было, развлеченья
И снова родину узрел;
Но, видно, сердцу исцеленья
Дать не возмог чужой предел.

Предстал он в дом моей Лаисы,
И остряков задорный полк
Не знаю как пред ним умолк —
Главой поникли Адонисы.
Он в разговоре поражал
Людей и света знаньем редким,
Глубоко в сердце проникал
Лукавой шуткой, словом едким,
Судил разборчиво певца,
Знал цену кисти и резца,
И, сколько ни был хладно-сжатым
Привычный склад его речей,

Казался чувствами богатым
Он в глубине души своей.

Неодолимо, как судьбина,
Не знаю, что в игре лица,
В движенье каждом пришлеца
К нему влекло тебя, о Нина!
С него ты не сводила глаз...
Он был учтив, но хладен с нею,
Её смущал он много раз
Улыбкой опытной своею;
Но, жрица давняя любви,
Она ль не знала, как в крови
Родить мятежное волненье,
Как в чувства дикий жар вдохнуть...
И всемогущее мгновенье
Его повергло к ней на грудь.

Мои любовники дышали
Согласным счастьем два-три дни;
Через день-другой потом они
Несходство в чувствах показали.
Забвенья страстного полна,
Полна блаженства жизни новой,
Свободно, радостно она
К нему ласкалась; но суровый,
Унылый часто зрелся он:
Пред ним летал мятежный сон;
Всегда рассеянный, судьбину,
Казалось, в чём-то он винил,
И, прижимая к сердцу Нину,
От Нины сердце он таил.

Неблагодарный! Им у Нины
Все мысли были заняты:
Его любимые цветы,
Его любимые картины
У ней являлися. Не раз
Блистали новые уборы
В её покоях, чтоб на час
Ему прельстить, потешить взоры.
Был втайне убран кабинет,
Где сладострастный полусвет,
Богинь роскошных изваянья,
Курений сладких лёгкий пар —
Животворило все желанья,
Вливало в сердце томный жар.

Вотще! Он предан был печали.
Однажды (до того дошло)

У Нины вспыхнуло чело
И очи ярко заблестали.
Страстей противных беглый спор
Лицо явило. „Что с тобою, —
Она сказала, — что твой взор
Всё полон мрачною тоскою?
Досаду давнюю мою
Я боле в сердце не таю:
Печаль с тобою неразлучна;
Стыжусь, но ясно вижу я:
Тебе тяжка, тебе докучна
Любовь безумная моя !

Скажи, за что твоё презренье?
Скажи, в сердечной глубине
Ты нечувствителен ко мне
Иль недоверчив? Подозренье
Я заслужила. Старины
Мне тяжело воспоминанье:
Тогда всечасной новизны
Алкало у меня мечтанье;
Один кумир на долгий срок
Поработить его не мог;
Любовь сегодняшняя трудно
Жила до завтрашнего дня, —
Мне вверить сердце безрассудно,
Ты прав, но выслушай меня.

Беги со мной - земля велика!
Чужбина скроет нас легко,
И там безвестно, далеко,
Ты будешь полный мой владыка.
Ты мне Италию порой
Хвалил с блестящим увлеченьем;
Страну, любимую тобой,
Узнала я воображеньем;
Там солнце пышно, там луна
Восходит, сладости полна;
Там вьются лозы винограда,
Шумят лавровые леса, —
Туда, туда! с тобой я рада
Забыть родные небеса.

Беги со мной! Ты безответен!
Ответствуй, жребий мой реши.
Иль нет! зачем? Твоей души
Упорный холод мне приметен;
Молчи же! не нуждаюсь я
В словах обманчивых, - довольно!
Любовь несчастная моя

Мне свыше казнь... но больно, больно!..“
И зарыдала. Возмущён
Её тоской: „Безумный сон
Тебя увлек, — сказал Арсений, —
Невольный мрак души моей —
След прежних жалких заблуждений
И прежних гибельных страстей.

Его со временем рассеет
Твоя волшебная любовь;
Нет, не тревожься, если вновь
Тобой сомненье овладеет!
Моей печали не вини“.
День после, мирною четою,
Сидели на софе они.
Княгиня томною рукою
Обняла друга своего
И прилегла к плечу его.
На ближний столик, в думе скрытной
Облокотясь, Арсений наш
Меж тем по карточке визитной
Водил небрежный карандаш.

Давно был вечер. С лёгким треском
Горели свечи на столе,
Кумиров мрамор в дальней мгле
Кой-где блистал неверным блеском.
Молчал Арсений, Нина тож.
Вдруг, тайным чувством увлечённый,
Он восклицает: „Как похож!“
Проснулась Нина: „Друг бесценный,
Похож! Ужели? мой портрет!
Взглянуть позволь... Что ж это? Нет!
Не мой: жеманная девчонка
Со сладкой глупостью в глазах,
В кудрях мохнатых, как болонка,
С улыбкой сонной на устах!

Скажу, красавица такая
Меня затмила бы совсем...“
Лицо княгини между тем
Покрыла бледность гробовая.
Её дыханье отошло,
Уста застыли, посинели;
Увлажил холодный пот чело,
Непомертвелые блестели
Глаза одни. Вещать хотел
Язык мятежный, но коснел,
Слова сливались в лепетанье.
Мгновенье долгое прошло,

И наконец её страданье
Свободный голос обрело:

„Арсений, видишь, я мертвею;
Арсений, дашь ли мне ответ!
Знаком ты с ревностью?... Нет!
Так ведай, я знакома с нею,
Я к ней способна! В старину,
Меж многих редкостей Востока,
Себе я выбрала одну...
Вот перстень... с ним я выше рока!
Арсений! мне в защиту дан
Могучий этот талисман;
Знай, никакое злословие
Меня при нём не утешит.
В глазах твоих недоуменьё,
Дивишься ты! Он яд таит“.

У Нины руку взял Арсений:
„Спокойна совесть у меня, —
Сказал, — но дожил я до дня
Тяжёлых сердцу откровений.
Внимай же мне. С чего начну?
Не предавайся гневу, Нина!
Другой дышал я в старину,
Хотела то сама судьбина.
Росли мы вместе. Как мила
Малютка Оленька была!
Её мгновеньями иными
Ещё я вижу пред собой
С очами тёмно-голубыми,
С тёмно-кудрявой головой.

Я называл её сестрою,
С ней игры детства я делил;
Но год за годом уходил
Обыкновенной чередою.
Исчезло детство. Притекли
Дни непонятного волненья,
И друг на друга возвели
Мы взоры, полные томленья.
Обманчив разговор очей.
И, руку Олиньки моей
Сжимая робкою рукою,
„Скажи, — шептал я иногда, —
Скажи, любим ли я тобою?“
И слышал сладостное *да*.

В счастливый дом, себе на горе,
Тогда я друга ввел. Лицом

Он был приятен, жив умом;
Обворожил он Ольгу вскоре.
Всегда встречались взоры их,
Всегда велся меж ними шёпот.
Я мук язвительных моих
Не снес — излил ревнивый ропот.
Какой же ждал меня успех?
Мне был ответом детский смех!
Её покинул я с презреньем,
Всю боль души в душе тая.
Сказал „прости“ всему: но мщеньем
Сопернику поклялся я.

Всечасно колкими словами
Скучал я, досаждал ему,
И по желанью моему
Вскипела ссора между нами:
Стрелялись мы. В крови упав,
Навек я думал мир оставить;
С одра восстал я телом здоров,
Но сердцем болен. Что прибавить?
Бежал я в дальние края;
Увы! под чуждым небом я
Томился тою же тоскою.
Родимый край узрев опять,
Я только с милою тобою
Душою начал оживать“.

Умолк. Бесмысленно глядела
Она на друга своего,
Как будто повести его
Ещё вполне не разумела;
Но от руки его потом
Освободив тихонько руку,
Вдруг содрогнулася лицом,
И всё в нём выразило муку.
И, обессиленна, томна,
Главой поникнула она.
„Что, что с тобою, друг бесценный?“ —
Вскричал Арсений. Слух его
Внял только вздох полустесненный.
— „Друг милый, что ты?“ — „Ничего“.

Ещё на крыльях торопливых
Промчалось несколько недель
В размолвках бурных, как досель,
И в примиреньях несчастливых.
Но что же, что же напослед?
Сегодня друга нет у Нины,
И завтра, послезавтра нет!

Напрасно, полная кручины,
Она с дверей не сводит глаз
И мнит: он будет через час.
Он позабыл о Нине страстной;
Он не вошёл, вошёл слуга,
Письмо ей подал... миг ужасный!
Сомненья нет: его рука!

„Что медлить, — к ней писал Арсений, —
Открыться должно... Небо! в чём?
Едва владею я пером,
Ищу напрасно выражений.
О Нина! Ольгу встретил я;
Она поныне дышит мною,
И ревность прежняя моя
Была неправой и смешною.
Удел решён. По старине
Я верен Ольге, верной мне.
Прости! твое воспоминанье
Я сохраню до поздних дней;
В нём понесу я наказанье
Ошибок юности моей“.

Для своего и для чужого
Незрима Нина; всем одно
Твердит швейцар её давно:
„Не принимает, нездорова!“
Ей нужды нет ни в ком, ни в чем;
Питьё и пищу забывая,
В покое дальнем и глухом
Она, недвижимая, немая,
Сидит и с места одного
Не сводит взора своего.
Глубокой муки сон печальный!
Но двери падают, растворясь:
Муж не весьма сентиментальный,
Сморкаясь громко, входит князь.

И вот садится. В размышленье
Сначала молча погружен,
Ногой потряхивает он;
И наконец: „С тобой мученье!
Без всякой грусти ты грустишь;
Как погляжу, совсем больна ты;
Ей-ей! с трудом вообразишь,
Как вы причудами богаты!
Опомнись тебе пора.
Сегодня бал у князь Петра;
Забудь фантазии пустые
И от людей не отставай;

Там будут наши молодые,
Арсений с Ольгой. Поезжай.

Ну что, поедешь ли?“ — „Поеду“, —
Сказала, странно оживясь,
Княгиня. „Дело, — молвил князь, —
Прощай, спешу я в клоб к обеду“.
Что, Нина бедная, с тобой?
Каков чувство овладело
Твоей болезненной душой?
Что оживить её умело,
Ужель надежда? Торопясь
Часы летят; уехал князь;
Пора готовиться княгине.
Нарядами окружена,
Давно не бывшими в помине,
Перед трюмо стоит она.

Уж газ на ней, струясь, блистает;
Роскошно, сладостно очам
Рисует грудь, потом к ногам
С гирляндой яркой упадет.
Алмаз мелькающих серёг
Горит за чёрными кудрями;
Жемчуг чело её облёт
И, меж обильными косами
Рукой искусной пропущён,
То видим, то невидим он.
Над головою перья веют;
По томной прихоти своей,
То ей лицо они лелеют,
То дремлют в локонах у ней.

Меж тем (к какому разрушенью
Ведёт сердечная гроза!)
Её потухшие глаза
Окружены широкой тенью
И на щеках румянца нет!
Чуть виден в образе прекрасном
Красы бывалой слабый след!
В стекле живом и беспристрастном
Княгиня бедная моя
Глядяся, мнит: „И это я!
Но пусть на страшное виденье
Он взор смущённый возведёт,
Пускай узрит своё творенье
И всю вину свою поймет“.

Другое тяжкое мечтанье
Потом волнует душу ей:

„Ужель сопернице моей
Отдамся я на поруганье!
Ужель спокойно я снесу,
Как, торжествуя надо мною,
Свою цветущую красу
С моей увядшею красою
Сравнит насмешливо она!
Надежда есть ещё одна:
Следы печали я сокрою
Хоть вполовину, хоть на час...“
И Нина трепетной рукою
Лицо румянит в первый раз.

Она явилась на бале.
Что ж возмутило душу ей?
Толпы ли ветреных гостей
В ярко блестящей, пышной зале,
Беспечный лепет, мирный смех?
Порывы ль музыки веселой,
И, словом, этот вихрь утех,
Больным душою столь тяжёлый?
Или двусмысленно взглянуть
Посмел на Нину кто-нибудь?
Иль лишним счастьем блистало
Лицо у Ольги молодой?
Что б ни было, ей дурно стало,
Она уехала домой.

Глухая ночь. У Нины в спальней,
Лениво споря с темнотою,
Перед иконой золотой
Лампада точит свет печальной.
То пропадёт во мраке он,
То заиграет на окладе;
Кругом глубокий, мёртвый сон!
Меж тем в блистательном наряде,
В богатых перьях, жемчугах,
С румянцем странным на щеках,
Ты ль это, Нина, мною зрима?
В переливающейся мгле
Зачем сидишь ты недвижима,
С недвижимой думой на челе ?

Дверь заскрипела, слышит ухо
Походку чью-то на полу;
Перед иконою, в углу,
Стал и закашлял кто-то глухо.
Сухая, дряхлая рука
Из тьмы к лампаде потянулась;
Светильню тронула слегка,

Светильня сонная очнулась,
И свет неожиданный и живой
Вдруг озаряет весь покой:
Княгини мамушка седая
Перед иконою стоит,
И вот уж, набожно вздыхая,
Земной поклон она творит.

Вот поднялась, перекрестилась;
Вот поплелась было домой;
Вдруг видит Нину пред собой,
На полпути остановилась.
Глядит печально на неё,
Качает старой головою:
„Ты ль это, дитячко моё,
Такою позднею порою?..
И не смыкаешь очи сном,
Горюя бог знает о чем !
Вот так-то ты свой век проводишь,
Хоть от ума, да неумно;
Ну, право, ты себя уходишь,
А ведь грешно, куда грешно!

И что в судьбе твоей худого?
Как погляжу я, полон дом
Не перечешь каким добром;
Ты роду-звания большого;
Твой князь приятного лица,
Душа в нём кроткая такая, —
Всечасно вышнего Творца
Благословляла бы другая!
Ты позабыла Бога... да,
Не ходишь в церковь никогда;
Поверь, кто Господа оставит,
Того оставит и Господь;
А Он-то духом нашим правит,
Он охраняет нашу плоть!

Не осердись, моя родная;
Ты знаешь, мало ли о чём
Мелю я старым языком,
Прости, дай ручку мне“. Вздыхая,
К руке княгининой она
Устами ветхими прильнула —
Рука ледяно-холодна.
В лицо ей с трепетом взглянула —
На нём поспешный смерти ход;
Глаза стоят и в пене рот...
Судьбина Нины совершилась,
Нет Нины! ну так что же? нет!

Как видно, ядом отравилась,
Сдержала страшный свой обет!

Уже билеты роковые,
Билеты с чёрною каймой,
На коих бренности людской
Трофеи, модой принятые,
Печально поражают взгляд;
Где сухощавые Сатурны
С косами грозными сидят,
Склонясь на траурные урны;
Где кости мёртвые крестом
Лежат разительным гербом
Под гробовыми головами, —
О смерти Нины должну весть
Узаконёнными словами
Спешат по городу разнести.

В урочный день, на вынос тела,
Со всех концов Москвы большой
Одна карета за другой
К хоромам князя полетела.
Обсев гостиную кругом,
Сначала важное молчанье
Толпа хранила; но потом
Возникло томное жужжанье;
Оно росло, росло, росло
И в шумный говор перешло.
Объятый счастливым забвеньем,
Сам князь за дело принялся
И жарким богословским преньем
С ханжой каким-то занялся.

Богатый гроб несчастной Нины,
Священством пышным окружён,
Был в землю мирно опущён;
Свет не узнал её судьбины.
Князь, без особого труда,
Свой жребий вышней воле предал.
Поэт, который завсегда
По четвергам у них обедал,
Никак с желудочной тоски
Скропал на смерть её стишки.
Обильна слухами столица;
Молва какая-то была,
Что их законная страница
В журнале дамском приняла.

1825-1828

„Две повести в стихах“. СПб., 1828

ПЕРЕСЕЛЕНИЕ ДУШ

Зевес, любя семью людскую,
Попарно души сотворил
И наперёд одну мужскую
С одною женской согласил.
Хвала всевышней благостыне!
Но в ней нам мало пользы ныне:
Глядите! ныне род людской,
Размножась, облил шар земной:
Куда пойду? мечтаешь с горем,
На хладный север, знойный юг?
За Белым иль за Чёрным морем
Блуждаешь ты, желанный друг?
Не всё. Задача есть другая.
Шатаясь по свету, порой
Столкнёшься с родственной душой
И рад; но вот беда какая:
Душа родная — нос чужой
И посторонний подбородок! ..
Враждуют чувства меж собой;
Признаться, способ мировой
Находкой был бы из находок!
Но он потерян между нас,
О нём живет один рассказ.

В земле, о коей справедливо
Нам чудеса вещает старь,
В Египте жил-был славный царь,
Имел он дочь — творенья диво,
Красот подсолнечных алмаз,
Любовь души, веселье глаз;
Челом белее лилий Нила;
Коралла пышного морей
Устами свежими алей;
Яснее дневного светила
Улыбкой ясною своей.
В пределах самых отдалённых
Носилась её хвала
И женихами привела
К ней полк царей иноплемённых.
И Мемфис-град заликовал!
В нём пир за пиром восставал:
Светла, прелестна, восседая

В кругу любовников своих,
Моя царевна молодая
Совсем с ума сводила их.
И всё бы ладно шло; но что же?
Всегда весёлая, она
Вдруг стала пасмурна, грустна,
Так что на дело не похоже.
К своим высоким женихам
Вниманье вовсе прекратила
И, кроме колких эпиграмм,
Им ничего не говорила.

Какая же была вина,
Что изменилась так она?
Любовь. Случайною судьбою
Державный пир её отца
Украстить лирною игрою
Призвали юного певца;
Не восхвалял он Озирида,
Не славил Аписа-быка,
Любовь он пел, о Зораида!
И песнь его была сладка,
Как вод согласное журчанье,
Как нежных горлиц воркованье,
Как томный, ропот ветерка,
Когда, в полудень воспалённый,
Лобзает он исподтишка
Цветок, роскошно усыплённый.
Свершился вышний приговор.
Свершился! никакою силой
Неотразимый, с этих пор
Пред ней носился образ милой;
С тех пор в душе её звучал,
Звучал всечасно голос нежной,
Её питал, упоевал
Тоскою сладкой и мятежной!
„Как глупы эти дикари,
Разноплеменные цари!
И как прелестен он!“ — вздыхая,
Мечтала дева молодая.

Но между тем летели дни;
Решенья гости ожидали,
Решенья но было. Они
Уже сердиться начинали.
Сам царь досадою вскипел;
Он не охотник был до шуток
И жениха, чрез трое суток,
Избрать царевне повелел.

Была, как громом, речью гневной
Младая дочь поражена.
На что ж, в судьбе своей плачевной,
Решилась, бедная, она?
Рыдала долго Зораида,
Взрывала сердце ей обида,
Взрывала сердце ей печаль;
Вдруг мысль в уме её родилась,
Лицом царевна прояснилась
И шепчет: „Ах, едва ль, едва ль...
Но что мы знаем? статься может,
Он в самом деле мне поможет“.

Вам рассказать я позабыл,
Что в эту пору, мой читатель,
Столетний маг в Мемфисе был,
Изиды вещей толкователь.
Он, если не лгала молва,
Проник все тайны естества.
На то и жил почтенный дядя;
Отвергнув мира суету,
Не пил, не ел, не спал он, глядя
В глаза священному коту.
И в нём-то было упование;
К нему-то, милые друзья,
Решилася на совещанье
Идти красавица моя.

Едва редет мгла ночная,
И, пробуждаться начиная,
Едва румянится восток;
Еще великий Мемфис дремлет
И утро нехотя приемлет,
А уж, покинув свой чертог,
В простой и чуждой ей одежде,
Но страха тайного полна,
Доверясь ветреной надежде,
Выходит за город она.
Перед очами Зораиды
Пустыня та, где пирамиды
За пирамидами встают
И (величавые гробницы)
Гигантским кладбищем ведут
К стопам огромной их царицы.
Себе чудак устроил тут
Философический приют.
Блуждает дева молодая
Среди столицы гробовой;
И вот приметен кров жилой,
Над коим пальма вековая

Стоит, роскошно помавая
Широколиственной главой.
Царевна видит пред собой
Обитель старца. Для чего же
Остановилась она,
Внезапно взором смущена
И чутким ухом настороже?
Что дланью трепетной своей
Объемлет сердце? что так пышет
Её лицо? и грудь у ней
Что так неровно, сильно дышит?
Приносит песнь издалека
Ей дуновенье ветерка.

ПЕСНЯ

Зачем от раннего рассвета
До поздней ночи я пою,
Безумной птицей, о Ниэта!
Красу жестокою твою?
Чужда, чужда ты сожаленья:
Звезда взойдет, звезда зайдет;
Сурова ты, а мне забвенья
Бессильный лотос не дает.

Люблю, любя, в могилу сиду;
Несокрушима цепь моя:
Я видел диво-Зораиду,
И не забыл Ниэты я.

Чей это голос? Вседержитель!
Она ль его не узнаёт!
Певец, души её пленитель,
Другую пламенно поёт!
И вот что боги ей судили!
Уж ей колена изменили,
Уж меркнет свет в её очах,
Без чувств упала бы во прах,
Но нашей деве в то мгновенье
Предстало чудное виденье.
Глядит: в одежде шутовской
Бредёт к ней старец гробовой.
Паяс торжественный и дикий,
Белобородый, жёлтоликий,
В какой-то острой шапке он;
Пестреет множеством каракул
На нём широкий балахон, —
То был почтенный наш оракул.
К царевне трепетной моей
Подходит он; на темя ей

Приветно руку налагает,
Глядит с улыбкою в лицо
И ободрительно вещает:
„Прими чудесное кольцо;
Ты им, о дева! уничтожишь
Хитросплетённый узел твой;
Кому на перст его возложишь,
С тем поменяешься звездой.
Иди, а мудрость Озирида
Наставит свыше мысль твою.
Я даром сим, о Зораида,
Тебе за веру воздаю“.

Возвращена в свои чертоги,
Душою полная тревоги,
Царевна думает: „Во сне
Всё это чудилось мне?
Но нет, не сновиденье это!
Кольцо на палец мой надето
Почтенным старцем — вот оно.
Какую ж пользу в нём найду я?
Он говорил, его даруя,
Так бестолково, так темно“.
Опять царевна унывает,
Недоумения полна;
Но вот невольниц призывает
И отыскать повелевает
Свою соперницу она.

По повелению другому,
Как будто к празднику большому
Её чертоги убраны;
Везде легли ковры богаты
И дорогие ароматы
Во всех кадилах возжжены,
Все водометы пущены;
Блистают редкими цветами
Ряды узорчатых кошниц,
И полон воздух голосами
Дальнеземельных, чудных птиц;
Всё негой сладостною дышит,
Всё дивной роскошью пышет
На троне, радостным венцом,
Порфирой светлую блистая,
Сидит царевна молодая,
Окружена своим двором.
Вотще прилежно наблюдает
Её глаза смущённый двор
И угадать по ним желает,
Что знаменует сей позор.

Она в безмолвии глубоком,
Как сном объятая, сидит
И неподвижным, мутным оком
На двери дальние глядит.
Придворные безмолвны тоже.
Дверь открылась: „Вот она!“
Лицом бледнее полотна,
Царевна вскрикнула. Кого же
Узрела, скорбная душой,
В толпе невольниц пред собой?
Кого? - пастушку молодую,
Собой довольно недурную,
Но очень смуглую лицом,
Глазами бойкую и злую,
С нахмуренным, упрямым лбом.
Царевна смотрит и мечтает:
„Она ли мне предпочтена!“
Но вот придворных высылает
И остается с ней одна.

Царевна первого привета
Искала долго, наконец
Печально молвила: „Ниэта!
Ты видишь: пышен мой дворец,
В жемчуг и золото я одета,
На мне порфира и венец;
Я красотою диво света,
Очарование сердец!
Я всею славою земною
Наделена моей звездою, —
Чего желать могла бы я?
И что ж, Ниэта, в скорби чудной
Милее мне твой жребий скудный,
Милее мне звезда твоя.
Ниэта, хочешь ли, с тобою
Я поменяю звездою?“
Мудрѐн царевнин был привет,
Но, не застенчива природно,
„Как вашей милости угодно“, —
Ниэта молвила в ответ.
Тогда на палец ей надела
Царевна дивное кольцо;
Закрыть смущѐнное лицо
Руками бедная хотела;
Но что же? в миг волшебный сей
Моя царевна оживилась
Душой Ниетиной; а в ней
Душа царевны очутилась.
И, быстрым чудом бытие
Переменив, лицо своё

Закрыла дурочка степная,
Царевна же, наоборот,
Спустила руки на живот,
Рот удивлённый разевая.
Где Зораида, где она?
Осталась тень её одна.
Когда ж лицо своё явила
Ниэта, руки опустя
(О, как обеих их шутя
Одна минута изменила!),
Блистало дивной красотой
Лицо пастушки молодой;
Во взорах чувство выражалось,
Горела нежная мечта,
Для слова милого, казалось,
Сейчас откроются уста,
Ниэта та же, да не та.
Так из-за туч луна выходит,
Вдруг озаряя небеса,
Так зелень свежую наводит
На рощи пыльные роса.

С главой поникшею Ниэта,
С невольным пламенем лица
Тихонько вышла из дворца,
И о судьбе её до света
Не доходил уж слух потом.
Так что ж? о счастья прямом
Проведать людям неудобно;
Мы знаем, свойственно ему
Любить хранительную тьму,
И, драгоценное, подобно
В том драгоценному всему.
Где искромётные рубины,
Где перлы светлые нашли?
В глубоких пропастях земли,
На тёмном дне морской пучины.

А что с царевною моей?
Она с плотнейшим из князей
Великолепно обвенчалась.
Он с нею ладно жил, хотя
В иное время не шутя
Его супруга завиралась,
И даже под сердитый час
Она, возвыся бойкий глас,
Совсем ругательски ругалась.
Он не роптал на то ничуть,
Любил житье-бытье простое,
И сам, где надо, завернуть

Не забывал словцо лихое.
По-своему до поздних дней
Душою в душу жил он с ней.

Что я прибавлю, друг мой нежной?
Жизнь непогодю мятежной,
Ты знаешь, встретила меня;
За бедством бедство подымалось;
Век над главой моей, казалось,
Не вздыдет радостного дня.
Порой смирял я песнопеньем
Порыв болезненных страстей;
Но мне тяжёлым вдохновеньем
Была печаль души моей.
Явилась ты, мой друг бесценный,
И прояснилась жизнь моя:
Веселой музой вдохновенный,
Весёлый вздор болтаю я.
Прими мой труд непринуждённый!
Счастливым светом озаренный
Души, свободной от забот,
Он — твой достаток справедливой,
Он первый плод мечты игривой,
Он новой жизни первый плод.

1828-1829

„Северные цветы на 1829 год“

ЦЫГАНКА

ГЛАВА I

— Прощай, Елецкой: ты невесел,
И рассветает уж давно;
Пошло мне впрок твое вино:
Ух! я встаю насилу с кресел!
Не правда ль, братцы, по домам?
— Нет! пусть попляшет прежде нам
Его цыганка. Ангел Сара,
Ну что? потешить нас нельзя ль?
Ступай, я сяду за рояль.
— Могу сказать, вас будет пара:
Ты охмелен, и в сон она
Уже давно погружена.
Прощайте, господа!.. —

Гуляки

Встают, шатаясь на ногах;
Берут на стульях, на столах
Свои разбросанные фраки,
Свои мундиры, сюртуки;
Но, доброй воле вопреки,
Неспоры сборы. Шляпу на лоб
Надвинув, держит пред собой
Стакан недопитый иной
И рассуждает: „Надлежало б...“
Умом и телом недвижим,
Он долго простоит над ним.
Другой пред зеркалом на шею
Свой галстук вяжет, но рука
Его тяжка и неловка:
Все как-то врозь идут под нею
Концы проклятого платка.
К свече приставя трубку задом,
Ждет третий пасмурный чудак,
Когда закурится табак.
Лихие шутки сыплют градом.
Но полно: вон валит кабак.
— Прощай, Елецкой, до свиданья!
— Прощайте, братцы, добрый путь! —
И, сокращая провожанья,
Дверь поспешает он замкнуть.

Один оставшись, Елецкой
Брюзгливым оком обозрел
Покой, где праздник молодецкой
Порой недавнею гремел.
Он чувство возбуждал двойное:
Великолепье отжилое,
Штоф полинялый на стенах;
Меж окон зеркала большие,
Но всё и в пятнах и в лучах;
В пыли завесы дорогие,
Давно не чищенный паркет;
К тому же буйного разгуля
Всегдашний безобразный след:
Тут опрокинутые стулья,
Везде табачная зола,
Стаканы среди стола
С остатками задорной влаги;
Тарелки жирные кругом;
И вот, на выпуске печном,
Строй догоревших до бумаги
И в блеске утренних лучей
Уже бледнеющих свечей.

Открыв рассеянной рукою
Окно, Елецкой взор тупой,
Взор, отуманенный мечтой,
Уставил прямо пред собою.
Пред ним, светло озарена
Наставшим утром, ото сна
Москва торжественно вставала.
Под раннею лазурной мглой
Блестящей влагой блеск дневной
Река местами отражала;
Аркада длинного моста
Белела ярко. Чуден, пышен,
Московских зданий красота,
Над всеми зданьями возвышен,
Огнем востока Кремль алел.
Зажгли лучи его живые
Соборов главы золотые;
Меж ними царственно горел
Иван Великий. Сад красивой,
Кругом твердыни горделивой
Вияся, живо зеленел.
Но он на пышную столицу
Глядел с душевною враждой.
За что? О том в главе другой
Найдут особую страницу.
Он был воскормлен сей Москвой.

Минувших дней воспоминанья
И дней грядущих упованья —
Всё заключал он в ней одной;
Но странной доли нёс он бремя,
И был ей чуждым в то же время,
И чуждым больше, чем другой.

ГЛАВА II

Отца и матери Елецкой
Лишился в годы те, когда
Обыкновенно жизни светской
Нам наступает череда.
И свет узнал он, и сначала
Являлся в вечер на три бала;
С визитной карточкой порой
Летел на выезд городской.
Согласно с общим заведением,
Он в праздник пасхи, в Новый год
К дядям и тёткам с поздравленьем
Скакал с прихода на приход...

Живее жизнью насладиться
Алкал безумец молодой
И начал с первых дней томиться
Пределов светских теснотой.
Ему в гостиных стало душно:
То было глупо, это скучно.
Из них Елецкой мой исчез,
И на желанном им просторе
Житьём он новым зажил вскоре
Между буянов и повес.
Развратных, своевольных правил
Несчастный кодекс он составил;
Всегда ссылалось на него
Его блажное болтовство.
Им проповедуемых мнений
Иль половины их большой,
Наверно, чужд он был душой,
Причастной лучших вдохновений;
Но, мысли буйством увлечён,
Вдвойне молву озлобил он.

С Москвой и Русью он расстался,
Края чужие посетил;
Там промотался, проигрался
И в путь обратный поспешил.

Своим пенатам возвращённый,
Всему решительным венцом,
Цыганку взял к себе он в дом,
И, общим мнением поражённый,
Сам рушил он, над ним смеясь,
Со светом остальную связь.
Тут нашей повести начало.
Неделя светлая была
И под Новинское звала
Граждан московских. Всё бежало,
Всё торопилось: стар и млад,
Жильцы лачуг, жильцы палат,
Живою, смешанной толпою,
Туда, где, словно сам собою,
На краткий срок, в единый миг,
Блистая пёстрыми дворцами,
Шумя цветными флюгерами,
Средь града новый град возник:
Столица лёгкая безделья
И бесчиновного веселья,
Досуга русского кумир!
Там целый день разгульный пир;
Там раздаются звуки трубны,
Звенят, гремят литавры, бубны;
Паясы с зыбких галерей
Зовут, манят к себе гостей.
Там клепер знает чёт и нечет;
Ножи проворные венцом
Кругом себя индеец мечет
И бисер нижет языком.
Гордясь лихими седоками,
Там одноколки, застучав,
С потешных гор летят стремглав.
Своими длинными шестами
Качели крашенные там
Людей уносят к небесам.
Волшебный праздник довершая,
Меж тем с весёлым торжеством
Карет блестящих цепь тройная
Катится медленно кругом.

Меж балаганов оживлённых,
Ежеминутно осаждённых
Нетерпеливою толпой,
Давно бродил Елецкой мой.
Окинув взорами собранье,
В одном остановил вниманье
Он на девице молодой.
Своими чистыми очами,
Своими детскими устами,

Своей спокойной красотой,
Одушевлённой выраженьем
Сей драгоценной тишины,
Она сходна была с виденьем
Его разборчивой весны.
Давно он знал её заочно.
С его глазами ненарочно
Глазами встретилась она;
Их выраженьем смущена,
Покрылась краскою живою
И отвела тихонько взор.
Охвачен бедственной межою,
Не зрел Елецкой с давних пор
Румянца этого святого!
Упадший дух подьемля в нём,
Он был для путника ночного
Денницы розовым лучом.
Он к милой думой умилённой
Летит. Меж тем она встает;
Девине руку подает
Её сосед, старик почтенной;
Из балагана идут вон —
И их в толпе теряет он.

Узнать, душою не в покое,
Он жаждет имя дорогое!
И незнакомка названа.
Гражданка сферы той она,
Того злопамятного света,
С кем в опрометчивые лета,
В избытке гордом юных сил,
Сам в бой неровный он вступил.
Смягчит ли идол оскорбленный
Он жертвой позднею своей?
Против него предубежденной,
Предстать осмелится ли ей?
И всех преград он сам виною!
Меж там в борьбе его с молвою
Прошло, промчалось много дней.
Елецкой мыслил промежутком;
Полней других созрел рассудком
Он в самом опыте страстей,
И наконец среди пороков,
Кипевших роем вокруг него,
И ядовитых их уроков,
И омраченья своего
В душе сберёг он чувства пламя.
Елецкой битву проиграл,
Но, побеждённый, спас он знамя
И пред самим собой не пал.

ГЛАВА III

Незамечаем и неведом,
За милою бродил он следом;
В тени задумчивых дубров
Прекрасных Пресненских прудов,
В аллеях стриженных бульвара,
Между красавиц городских
Искал он девы дум своих.
Не для блистательного дара
Актёров наших посещал
Он душный театральный зал —
Елецкой, сцену забывая,
С той ложи не сводил очей,
В которой Вера молодая
Сидела, изредка встречая
Взор, остановленный на ней.
Вкусив неполное свиданье,
Елецкой приходил домой
Исполнен мукою двойной;
Но, полюбив своё страданье,
Такой же встречи с новым днём
Искал в безумии своём.

Однажды... погасал, свежая,
Июльский день. Бульвар Тверской
Дремал под нисходящей мглой;
Пустела длинная аллея;
Царица тишины и сна,
Высоко поднялась луна.
Но со знакомыми своими
Ещё, в болтливом забытьё,
Сидела Вера на скамье.
В соседстве, не замечен ими,
За липой тёмной и густой,
Стоял влюблённый наш герой.
Перчатку Вера уронила.
Поспешно поднял он её
И подал ей. Лицо своё
К нему с испугом обратила
Младая дева. Разговор
Прервав, на нём остановила
Встревоженный, но долгий взор.
Судьбу, душой своей довольной,
Он и за то благодарил.

Елецкой Веру поразил
Своей услугой своевольной,
И, хоть на час, её мечта
Им, верно, будет занята.

Что ж! и сомнительное счастье
Мгновенных, бедных этих встреч
Ему осеннее ненастье
Не позамедлило пресечь.
Покрылось небо облаками;
Дождь бесконечный ливня лил;
И вот мороз его сменил.
Застыли воды, снег клоками
На мостовую повалил, —
Пришла зима. Свистя, крутится
Метель на Пресненских прудах,
На обнаженных деревьях
Бульвара иней серебрится.
Там, где недавнею порой
Гуляли грации толпой,
Какой-нибудь жандарм усатый,
Шагая, шпорами стучит;
С метлой стоит мужик брадатый
Иль школьник с сумкою бежит.
Для балов, вечеров при этом
Театр оставлен модным светом.
Елецкой мрачен и сердит...

Но вот в известном маскараде
Должна быть Вера. Ожил он
И в полнадежде, в полдосаде
Лелеет деятельный сон.

Живая музыка играет;
Кадрили вьются ей под лад,
Кипит, пестреет маскарад.
В его затею не вступает,
И кстати, большинство гостей;
В тени их он ещё видней.
Призраки всех веков и наций,
Гуляют феи, визири,
Полишинели, дикари,
Их мучит бес мистификаций;
Но не выходит хитрых фраз:
„Я знаю вас! я знаю вас!..“
Ни у кого для продолженья
Недостает воображенья.
Признаться надобно: не нам,
Сугробов северных сынам,
Приноровляться к детям юга!

Метелей дух не создал нас
Для их блистательных проказ.
К чему неловкая натуга?
Мы сохраняем холод свой
В приёмах живости чужой.

Елецкой из ряду выходит
И Веру чуть с ума не сводит.
Успел разведать он о ней
Довольно этих мелочей,
В которых тайны роковые
Девы видят молодые.
В словах запутанных своих
Он намекает ей о них;
И, удивленья и смущенья
Полна, горит она лицом
И вот выходит из терпенья.
„Я как обманутая сном!
Скажите, ради бога, кто вы?“

Е л е ц к о й

Вы любопытны, как дитя.
Итак, со мною не шутя
Вы познакомиться готовы?
Нежданным именем моим
Я испугаю вас.

В е р а

Как скучно!
Всё шутки.

Е л е ц к о й

Я не склонен к ним
И остерёг вас добродушно.
Я дух... и нет глуши, жилья,
Где б я, незримый, не был с вами.
Всё чутким ухом слышу я,
Всё вижу зоркими очами.
Не бойтесь! слушаю, гляжу
Я с полной преданностью дружбы;
Неожидаемые службы
Я вам догадливо служу;
Однажды перед ваши очи
Я в виде смертного предстал;
В ту пору сумрак летней ночи
Мне образ видимый давал...

Вы узнаете?

В е р а

Ваши сказки

Вы продолжите до утра.
Смотрите: все снимают маски,
Снимите же свою, пора!

Е л е ц к о й

Не мне. Оставьте убежденья,
Я не исполню ваш приказ.
Лицо открыл бы я для вас
Без выраженья, без значенья.
Нет, нет; я вспомню веселей
Сей разговор непринуждённый,
Почти нежданно уловлённый
Счастливой маскою моей,
Чем взор холодного смущенья,
Который на лицо моё
Вперите вы, когда её
Сниму я вам из угожденья.
Нет, я б не мог его снести!
Прощайте; я не здешний житель,
В мою безвестную обитель
Я должен вовремя сойти.

Елецкой тихо удалился;
Уж был у выхода и зал
Совсем, казалось, покидал,
Но у дверей остановился:
Взглянуть он раз ещё желал
На Веру... Тихий взор он встретил,
Мольбу немую в нём заметил,
Укор в нём дружеский постиг,
И скинул маску. В этот миг
Пред ним лицо другое стало,
Очами гневными сверкало
И дико поднятой рукой
Грозило Вере и пропало
С Елецким вместе за толпой.

ГЛАВА IV

Едва весёлыми лучами
День новый окна озлатил,
Елецкой скорыми шагами
Уже по комнате ходил.
Порой, в забвении глубоком
Остановясь, прилежным оком
Во что-то всматривался он.
Во взорах счастье выражалось;
Перед душой его, казалось,
Летал весёлый, светлый сон.
Через мгновенье пробуждённый
Он, тем же чувством озарённый,
Свою прогулку продолжал
И скоро снова прерывал.
В покое том же, занимая
Диван, цыганка молодая
Сидела, бледная лицом.
Усталость выражали очи:
Казалось, в продолжение ночи
Их Сара не смыкала сном.
Она порывисто чесала
Густые чёрные власы
И их на тёмные красы
Нагих плечей своих метала.
Она склонялась головой,
Но на Елецкого порой
Взор исподлобья подымала.
Какою злобой он дышал!
Другой мечты душою полон,
Подруги он не замечал;
К ней напоследок подошёл он.
„Что это смотришь ты совой? —
Сказал он. — Сара, что с тобой?
Да молви слово!“

С а р а

Ах, мой боже!
Ты ждешь ответа моего ?
Вот он: я знаю, отчего
Ты так доволен!

Елецкой

Отчего же?

Сара

Меня ты думал обмануть,
Когда вчера, кривя душою,
Ты мне с заботою такую
Скорей советовал заснуть!
„Устала, Сара? Дремлешь, Сара?
Ляг, Сара, спать!“ И я легла,
Да уж нарочно не спала!
Давно грозит мне эта кара!
Давно я брошена тобой!
Ты сутки целые порой
Двух слов со мной не произносишь,
Любимых песен петь не просишь!
Да и по ком твоя душа
Уж так смертельно заболела?
Её вчера я разглядела:
Совсем, совсем не хороша!

Елецкой

Так вот в чём дело!

Сара

Сара знает,
Какая ждёт её судьба
За то, что служит, угождает
Тебе по воле, как раба:
Со знатной барышней своею
Ты обвенчаешься, а с нею
Простишься, и её на двор
Метлою выметут, как сор.

Елецкой

Ты совершенно сумасбродишь!
Какие странные мечты!
По пустякам горюешь ты
И на меня тоску наводишь.

Сара

А кто, бывало, говорил,

Ко мне ласкаясь то и дело:
„Тебя я, Сара, полюбил.
Жить одному мне надоело,
Будь мне подругою! со мной
Живи под кровлею одной!
Я нравом весел; живо, шумно,
В пирах и песнях завсегда
Мы будем проводить года“.
Я согласилась безумно.
Что ж вышло?

Елецкой

Из моих речей
Тобой забыта половина.
Я говорил: твоя судьбина
Не будет скована с моей!
Покуда любо жить со мною,
Живи! наскучило - прощай,
Былую радость поминай!
С твоей свободой той порою
Я выговаривал мою.
Но я тебя не узнаю!
И, сердце будущим тревожа,
Ты на цыганку не похожа.
Ваш род беспечен.

Сара

Проклят он!
Он человечества лишён!
Нам чужды все края мирские!
Мы на обиды рождены!
Забавить прихоти чужие
Для пропитанья мы должны.
Я о себе молчу: цыганка
Вам не подруга, а служанка!
Она пляши и распевай,
А сердцу воли не давай.

Елецкой

Оставь пустые опасенья,
Не разлучимся мы с тобой,
Хотя другого поколенья,
Родня я вашему судьбой.
И я, как вы, отвержен светом,
И мне враждебен сердца глас...
Не распадётся, верь мне в этом,

Цепь, сопрягающая нас.

Когда с цыганкой молодой
Судьба Елецкого свела,
Своей разгульною душою
Она мила ему была.
„Я горя знать не буду с нею.
Каких тяжёлых, чёрных дум,
Мне иногда гнетущих ум,
Свободной резвостью своею
Не удалит она сейчас?
Кому при блеске этих глаз
Приснятся мрачные печали?“
Так думал он; но дни мелькали;
К её душе своей душой
На продолжительное время
Не мог пристать Елецкой мой.
Ему потом уж стали в бремя
Затеи девы удалой.
Не принимая в них участия,
Уж он желал другого счастья:
Души, с которой мог бы он
Делиться всей своей душою.
Надеждой тёмной увлечён,
Он Саре пробовал порою
Передавать свои мечты;
Но образованного чувства
Язык для дикой красоты
Был полон странной темноты.
Она, не ведая искусства,
Под речи друга своего
Без всякой совести зевала,
Иль в скором времени его
Сторонней шуткой прерывала;
Но смутно трогалась, и ей
Невразумительных речей
Цыганка голос понимала.
Подруге ветреной своей
Он ежедневно был милей,
Но к ней хладил по той же мере.
Когда, любовью вспыхнув к Вере,
Он нравом стал ещё мрачней,
Она развлечь его хотела,
Она родные песни пела,
Она по стульям, по столам
С живыми кликами скакала;
Она при нём по пустякам
Как можно громче хохотала;
Но всегда её смущал
В то время взор его брюзгливый,

Пред ним порыв её игривый
В одно мгновение упал.
Она сердилась и роптала,
И грусть давила сердце ей,
И тщетно Сара призывала
Покой и радость прежних дней.

ГЛАВА V

.
.
.
.
.
.
.
.

Как часто в середине бала,
Когда уж музыка играла
Иль попури, иль котильон
И Вера, со своим танцором
Наскуча пошлым разговором,
Погружена в сторонний сон,
Глазами молча провожала
Среди блистательного зала
Пред нею вьющаясь чета, —
Елецкой речию своею,
Нежданно слышимой за нею,
Вдруг прерывал её мечты.
Довольно холодно сначала
С ним в разговор она вступала,
Но оживлялася потом,
И, ободрен её вниманьем,
Он был заманчивым свиданьем
К свиданью новому влеком.

Однажды он за стулом Веры
Средь вихря бального сидел.
В своих речах уж не умел
Он соблюдать холодной меры;
Она исчезнула. Лишён
Над пылким сердцем всякой власти,
Уж говорил открыто он
С ней языком мятежной страсти.
Кончая, „Дайте мне ответ! —
Он молвил. — Многое во вред

Мне городская злоба трубит;
Сжился я со враждой молвы;
Но вы? что думаете вы
О том, который вас так любит?“

В е р а

Что все другие; даже мне
Еще известнее, как права
О вас рассеянная слава,
Как должно верить ей вполне.

Е л е ц к о й

Вам всех известней? Вы всех строже?
Но почему же, отчего же?

В е р а

Когда глаза мои в тот раз
Меня в обман не приводили,
Словами вашими сейчас
Двух, не одну вы оскорбили.

Е л е ц к о й

Я вашей искренности рад.
Уже в судьбе моей стократ
Я с вами жаждал объяснения!
Примите исповедь мою,
Весьма во многом, нет сомненья,
Останусь я без извиненья,
Но ничего не утаю.

Елецкой в тягостную повесть
Минувших дней своих вступил,
Свою запутанную совесть
Он перед Верой обнажил;
Поверил ей без украшения
Свои былые заблужденья,
К которым, впрочем, был влеком
Он меньше сердцем, чем умом.
С её случайною знакомкой,
Своею смуглой однодомкой,
Своё сближенье передал,
Как сам его он понимал:
Одним внушением унылым
Души, томимой пустотой,
Союзом, столько же постылым
Теперь ему, как ей самой.

„К ней обратиться, — он прибавил, —
Безумный миг меня заставил;
Ошибся я в себе и в ней.
Нет, нет! я не был с нею дружен!
Я для души её не нужен, -
Нужна другая для моей“.

И тихо речь его журчала
За Верой, ей одной слышна.
Но что? вникала ли она
В слова его? Она молчала;
Была чуть-чуть обращена
К нему щека её одна;
Но это легкое движенье
Заметить было мудрено,
Злословье самое оно
Не привело бы в искушенье.
Ей изменяло лишь одно:
Вниманье к балу притупело,
И краснощёкий офицер,
Тогдашний Верин кавалер,
Её в то время то и дело
К порядку танца пробуждал
И ей фигуры толковал.

Природа Веру сотворила
С живою, нежною душой;
Она ей чувствовать судила
С опасной в жизни полнотою.
Недавно дева молодая,
Красою свежею блистая,
Вступила в вихорь городской.
Она ещё не рассудила,
Не поняла души своей;
Но тёмною мечтою в ней
Она уже проговорила.
Странна ей суетность была;
Она плениться не могла
Её несвязною судьбиной;
Хотело б сердце у неё
Себе избрать кумир единой
И тем осмыслить бытиё.
Тут романтические встречи
С героем повести моей,
Его задумчивые речи
Тревожить стали душу ей.
Одно, быть может, впечатленье
Ей берегло воображенье...
Его рассеял он. С какой
Благополучною душой

С тех пор она ему внимала!
С какою сладостью о нём
В невольном забытьи своём
Уединённая мечтала!
Как, новой жизнью дыша,
Легко ей было! Как блистала,
Как ликовала в ней душа!
Девушка юная не знала,
Живого счастья полна,
Что так доверчиво она
Одной отравой в нём дышала;
Что сей приветный ветерок,
Её ласкающий так нежно, —
Грозы погибельной пророк;
Что вдруг дохнёт она мятежно,
И мир в глазах её затмит,
И все красы его разрушит,
И все цветы его иссушит,
И жизни путь опустошит.

ГЛАВА VI

Летели дни. Свои свиданья
Елецкой с Верой продолжал,
И с каждым больше упованья
Любви своей он обретал.
Увы! старательно скрывая
Заботу сердца, между тем,
Наверно дева молодая
С ним не обмолвилась ничем;
Но не владела выраженьем
Лица невинного она,
На нём со всем её смятеньем
Была душа её видна.
„Любим я!“ — с ропотом и мукой
Елецкой сам себе твердил.
Великий пост уж подходил
И с Верой скорою разлукой,
Разлукой долгою грозил!
.
„Нет! — мыслит он, — до расставанья,
Во что бы ни было, должна
Решить судьбу мою она!“

Он ждёт удобного мгновенья;

И Вера, время разлученья
Предвидя, днями дорожит
И их считает и грустит.
Уехал дядя. В тихой зале,
Пои свете двух свечей, одна,
Твердила на своём рояле
Урок докучливый она;
Полна душой другой заботы,
Насильно всматривалась в ноты...
Вдруг... протянувшись перед ней,
Закрыла их рука чужая.
Ветр пошатнул огонь свечей;
Вздрагнула дева молодая,
Оборотилась, глядит —
Елецкой перед ней стоит.
„Не беспокойтесь, ради бога!
Какая странная тревога
У вас написана в глазах!
Я вас прошу, не уходите!
Чего боитесь вы? сидите,
Я все скажу вам в двух словах“.

В е р а

Я не могу остаться с вами!
Подите. Разговор такой
Мне неприличен. Боже мой!
Одна я, видите вы сами!
Подите.

Е л е ц к о й

Наперёд я знал,
Что я застаю вас одною,
Одну я видеть вас желал.
Остаться должно вам со мною,
Вам должно выслушать меня.

В е р а

Оставьте до другого дня,
Я умоляю вас, подите!
Мой дядя будет сей же час.

Е л е ц к о й

Один вопрос: люблю я вас,
Вы это знаете. Скажите:
Я равнодушен вам иль нет?

В е р а

На всё, на всё один ответ:
Подите! ..

Е л е ц к о й

Вы ли говорили?
Я ль слышал вас? и не во сне!
Я не любим... Зачем же мне
Давно вы это не внушили?
Своей холодности зачем
Вы мне тотчас не показали?
Зачем, скажите, мне внимали
Вы так приветно между тем?
Зачем, глаза мои встречая,
Не отводили ваших глаз?
Зачем дышала всякий раз
В них дума нежная такая?
Дитя! кокетки записной
Постигнув опытную ролю,
Признайтесь: вы играли вволю
Моей безумною душой!
Кто б мог подумать! в ваши лета!
Мою любовь мне не забыть;
Желал бы я её предмета
Не презирать. Но, так и быть!
Прощайте!

В е р а

Нет! такого мненья
Я не оставлю ни за что!
Неправы ваши заключенья.
Я прямодушна. Я не то
Сказать хотела... Нет... Просите
Руки моей, и если...

Е л е ц к о й

Вы?
Вы мне об этом говорите?
А восклицанья всей Москвы!
На наш союз ваш дядя строгой
Не согласится никогда;
Молитвы будут без плода.
Нет, Вера, нет! другой дорогой
Идти нам должно. Для венца
Сегодня ночью у крыльца
Я ждать вас буду. Всё готово.

Бежать со мною дайте слово!
Любовь слепая мне нужна.
Решитесь.

В е р а

Я изумлена
Таким неожиданным предложеньем.
Нет, это будет преступленьем!
Нет, я и думать не хочу!
Я так ужасно огорчу
Того, который...

Е л е ц к о й

Всё забудет
Он, нашим счастьем счастлив,
И напоследок справедлив
Он и ко мне, наверно, будет.
Ему (вам нужно ль обещать?)
Я буду сыном самым нежным.
Страдал я долго безнадежным —
Ах, Вера! снова ли страдать!
Меня вы любите; судьбиной
Оставлен нам исход единой.
Ах, Вера, Вера! сердце в вас
Сей миг решительный измерит,
Меня печально разуверит
В нём малодушный ваш отказ.
Всё, всё он кончит между нас!
Бегите, Вера! дайте руку...
Не на ужасную разлуку,
С которой не сживуся я,
Но на союз святой и вечный.
Мой милый друг, мой друг сердечный!
Скажи: не правда ль? ты моя?

В е р а

Люблю, люблю я вас... Но что же?
Что предлагаете вы мне?
На что решиться? Боже, боже!
Подумать дайте в тишине!

Е л е ц к о й

Я знаю, горестная мера;
Но - ты ль не видишь? - нет иной!
Решись!

В е р а

Не нынче!

Е л е ц к о й

Нынче, Вера;
Сегодня, друг бесценный мой!

Недолго дева молодая
Ещё противилась ему.
Он нежно к сердцу своему
Прижал её. Лицом пылая,
Потупя взор, склонив главу,
Она умом изнемогала
И, ни во сне, ни наяву,
Своё согласие прошептала.

Елецкой ликовал душой;
По тёмной улице домой
Он шёл походкою весёлой.
Но у порога своего
Остановился: ум его
Смутился думою тяжелой:
Там Сара! — В голове своей
Уже Елецкой принял меры,
Чтоб неприличной встрече с ней
Вновь не подвергнуть милой Веры.
Москву с невестой в эту ночь
Покинет он; обряд венчальный
Он совершит в деревне дальней;
Он всё предвидел, все точь-в-точь
Обдумал. Сары он не знает;
Любовью в ней не почитает
По нём расчётливой любви;
Не верит в ней ревнивой муке.
„Из них люблю призови —
Все твёрды в нужной им науке!“ —
Так мыслил он. Но в этот миг...
Иль Сару лучше он постиг
При наступающей разлуке?
Урек в душе его возник.
Его докучное внушеньё
Он опроверг в уме своем
И, отряхнув недоуменьё,
Вошел в свой дом, где в то мгновеньё
И Сара думала о нем.

ГЛАВА VII

Грустила брошенная Сара;
Но в этот вечер было ей
Ещё грустней, ещё тошней.
Почти болезненного жара
Была тоска её полна.
В своём волнении она
Платком в лицо себе махала —
Прохлады воздух не давал,
Но кровь её пуще волновал!
Иглу к работе принуждала —
Колола пальцы ей игла.
Гадать цыганка начала —
Ещё тошнее: карты вращали,
Когда ей счастье предрекали,
И наводили страх, когда
В них выходила ей беда.
Их со стола она столкнула,
Шитьё отбросила, вздохнула,
На стол локтями опершись,
Цыганка стиснула руками
Чело... и смятыми кольцами
Вкруг пальцев кудри обвилились.
Закрыв глаза, она сидела...
Вдруг шепчут: „Сара, Сара!“ — К ней
В покой из боковых дверей
Цыганка старая глядела.

С а р а

Ненила, ты? войди скорей;
Я заждалась тебя, Ненила;
Совсем я брошена, совсем!
Не угожу ему ничем.
Хотя бы ты мне услужила!
Что, принесла ли?

С т а р у х а

Принесла.
Да уж насилу добрела,
Метель такая закутила!
Гляди-ка - вот твоё вино!

Уж удружит тебе оно;
Спасибо скажешь.
С а р а

Ах, Ненила!
Верь, ты мне душу воротила!
Я люблюсь ему опять?
Да полно, правда ль?

С т а р у х а

Что мне лгать!
Лишь дай испить, сама увидишь!
Он обвенчается с тобой,
И заживёшь ты госпожой,
А там старухи не обидишь.
Ты мне поверь, моя красотка,
Придут благие времена!

С а р а

Как я тобой одолжена!
Но там идут... его походка;
Поставь подарок свой на стол.
Да и прощай, уйди отселе,
Уйди скорее!

В самом деле,
Елецкой в комнату вошёл.
В глазах его была суровость,
Пред Сарой молча он ходил;
Речь наконец к ней обратил.
„Тебе сказать я должен новость:
С тобой я скоро расстанусь.
Послушай, Сара! я женюсь“.

Лицо у Сары побледнело
И загорелось в тот же миг.
Нож острый в сердце ей проник,
Оно то стыло, то кипело;
Хотела б смертная тоска
Излиться воплем и слезами...
Рвались бурными волнами
У ней пощёлки с языка...
Но эти первые движенья
Она в себе перемогла
И голос мирный обрела,
Хотя дрожащий от волненья.
„Давно я этого ждала!
Не удивишь меня разлукой, —

Сказала Сара. — Долгой мукой
Я приготовлена была.
А скоро ль свадьба?“

Елецкой

В доме этом
Я не ночую; не жалею
О старине. В судьбе твоей
Я обязуюсь ответом,
И уж подумал я о ней;
Довольна будешь.

Сара

Мне не нужно
Постылых милостынь твоих.
Не беспокойся, и без них
С тобой расстануся я дружно.
Пенять не буду я тебе.
Жила я весело, счастливо;
Теперь не то, - какое диво?
Не всё стоять одной судьбе!
У нас верна одна могила;
А кто на свете долго мил?
Как ты сегодня разлюбил,
Так я бы завтра разлюбила;
За что сердиться?

Елецкой

Очень рад.
Дай руку, Сара! Пред тобою
Я совершенно виноват.
Я вижу, выше ты душою,
Чем полагал доселе я:
Ты не притворица пустая.
Обыкновенье ваше зная,
Я ждал упрёков, слез, вытья...
Спасибо, нет их; без сомненья,
Простимся дружно мы с тобой.
Мила ты, Сара!

Сара

Плач и вой
В душе... Но что до сокрушенья!
В слезах и воплях толку нет.
Мы расстаёмся? Власть Господня!
Простимся весело. Сегодня
Я именинница, мой свет!

В последний раз моё здоровье
Ты должен выпить... но до дна!
Как в старину; смотри ж: условие!
Не то сейчас заплачу... На!

Е л е ц к о й

Твоё здоровье? Рад душою...
И вот — ни капли нет на дне.
Надеюсь, ты довольна мною?

С а р а

Спасибо! Сядь теперь ко мне,
Поговорим по старине.

И с равнодушным послушаньем
К ней на диван Елецкой сел,
Но, далеко уже мечтаньем,
Он на часы свои глядел.
„Скажи мне, — Сара продолжала, —
Судьбою новою своей
Доволен ты?“

Е л е ц к о й

А что?

С а р а

Ей-ей!

Я коротко твой нрав узнала:
Не переменишься ты в нём...
Привык ты к беззаботной доле,
Разгульной жизни, вольной воле,
Стошнишь порядочным житьём.
Наскучит, твёрдо предрекаю,
Тебе и милая твоя, -
Тебе наскучила же я!
Жаль бедной! По себе я знаю,
И слишком знаю, каково!
Как я бы выла да рыдала,
Когда бы втайне не питала
Еще у сердца моего
Одной надежды!

Е л е ц к о й

Полно, что ты?

Все были кончены расчёты, -
Что за надежда?

С а р а

Брежу я.
И как равняться я посмею
С невестой счастливой твоею!
О ней единой мысль твоя;
Ты ею дышишь. Ах, царица,
Царица светлая она!
Я перед нею пыль одна.
Но... в ум придет же небылица!
Забудь любовь свою на час:
Какая разница меж нас?
Что я цыганкой уродилась?
Что нет за мною сёл, хором?
Что говорить не научилась
Я иностранным языком?
Вот всё. Не шутка, очень знаю!
Но сердцем я не уступаю
Твоей невесте. Чем она
Любовь поныне доказала?
Какие слёзы проливала?
Что перенести была должна?
А я... что слез я источила,
Каких обид не проглотила,
Молчанье горькое храня!
Ты разлюбил, я всё любила;
Ты гнал безжалостно меня —
К тебе я, злобному, ласкалась,
Как собачонка. Рассмотрю
Меня получше: говори,
Такая ль я тебе досталась?
Глаза потухнули от слез;
Лицо завяло, грудь иссохла;
Я только, только что не сдохла!..
Ты все молчишь?

Е л е ц к о й

Тебе нанёс
Я много горя... Я не ведал,
Когда другой мой жребий предал,
Что ты... Но что со мною? .. Свет
В глазах темнеет... всё кружится...
Мне дурно, Сара, дурно...

С а р а

Нет!
Я знаю, что в тебе творится.
В душе мятущейся твоей

Я чудным чудом оживаю,
Разлучницы проклятой в ней
Бесовский образ погашаю.
Бледнеешь ты... Немудрена
Измена мне, а ей страшна!
Будь ей теперь моя судьбина!
Томись она, крушись она!
С тоски иссохни, как лучина!
Умри она! ты мой: приди,
Прижмись опять к моей груди!
Очнись от лютого угара,
Приди, и всё забуду я.
Узнай меня, узнай: я Сара!
Я Сара прежняя твоя.

Цыганка страстными руками
Его, рыдая, обвила
И жадно к сердцу повлекла.
Глядел он мутными глазами,
Но не противился. Главой
Он даже тихо приклонился
К её плечу; на нём, немой,
Казалось, томно позабылся.
По грозной буре, тишина
Влилась отрадно в сердце Сары.
„Он мой! подействовали чары!“ —
С восторгом думала она.
Но время долгое проходит —
Он всё лежит, он всё молчит;
Едва дыханье переводит
Цыганка. „Милый мой!.. Он спит.
Проснись, красавец!“ Зов бесплодный;
Миг страшной истины настал:
Она вгляделась — труп холодный
В ее объятиях лежал.

ГЛАВА VIII

Стояла ночь уже давно.
Градские стогны опустели;
В домах уснувших ни одно
Не озарялося окно,
Все одинаково чернели.
Луна не светит, всё молчит;
Лишь ветер воет и свистит,
Метель до кровель воздымая.

Обету своему верна,
До самой улицы одна
Доходит Вера молодая;
Никем не встречена она.
В лицо суровый и холодный,
Ей дует ветер непогодный,
И ночь ненастная черна.
Она стоит; она мгновенья
Считает, полная волненья...
Бегут мгновенья! Вера ждёт —
Он не приходит; не придёт!
В ней сердце замерло... девицу
Приемлет снова прежний кров.
Уж ранний вой колоколов
Порою той будил столицу,
И в город, сквозь ночную тень,
Уж, голубея, крался день.

Холм, под которым спит Елецкой,
Где он забыл любовь, вражду,
Где равнодушен он к суду
Толпы и светской и несветской,
Уж не однажды порастал
Весенней, новою травой,
И снег пушистой пеленою
Его не раз уж покрывал.
Но долго ль юноша несчастный
Жил в сердце Веры? Много ль слез,
Её сердечных первых грез,
У ней исторг обман ужасный?
В ту ж зиму, с дядей-стариком
Покинув город, возвратилась
Она лишь два года потом.
Лицом своим не изменилась,
Блещет тою же красой;
Но строже смотрит за собой:
В знакомство тесное не входит
Она ни с кем. Всегда отводит
Чуть-чуть короткий разговор.
Подчинены её движенья
Холодной мере. Верин взор,
Не изменяя выраженья,
Не выражает ничего.
Блестящий юноша его
Не оживит, и нетерпенья
В нём не заметит старый шут;
Её смешливые подруги
В нескромный смех не вовлекут;
Разделены её досуги
Между роялем и канвой;

В раздумье праздном не видали
И никогда не заставляли
С романом Веры Волховской.
Девницей самой совершенной
В устах у всех она слывет.
Что ж эту скромность ей дает?
Увы! тоскою потаённой
Ещё ль душа её полна?
Ещё ли носит в ней она
О прошлом верное мечтанье
И равнодушна ко всему,
Что не относится к нему,
Что не его воспоминанье?
Или, созрев умом своим,
Уже теперь постигла им
Она безумство увлеченья?
Уразумела, как смешно
И легкомысленно оно,
Как правы принятые мненья
О романтических мечтах?
Или теперь в её глазах
За общий очерк, в миг забвенья,
Полусвершённый ею шаг
Стал детской шалостью одною,
И с утонченностью такою,
Осмотру светскому верна,
Его сама перед собою
Желает искупить она?

Одно ль, другое ль в ней виною
Страстей безвременной тиши —
Утрачен Верой молодою
Иль жизни цвет, иль цвет души.

Куда заснувшей столицей
При ярком блеске зимних звезд
В санях несётся вереницей
Весельчаков её поезд?
К цыганам. Пред знакомым домом
Остановились. В двери с громом
Стучат; привычною рукой
Им отворил цыган седой.
В хоромы спящих тьма густая,
Но путь знаком. Толпа лихая
Спешит проникнуть в тот покой,
Где, ночи шумной ожидая,
Ещё с вечерней первой мглой
В свои постели пуховые
Легли цыганки молодые.
Уж гости ветреные там,

Уж кличут дев по именам.
Но всё египетское племя
Кругом приезжих в то же время
С весёлым шумом собралось,
И свеч сиянье разлилось.
Дремоту девы покидают,
Встают на общий громкий зов,
Платками плечи прикрывают,
Ногами ищут башмаков
И вот уж весело болтают,
И табор к пению готов.
Одна цыганка на постели
Сидит недвижно. На гостей
Глядит сердито. Роем к ней
Подруги смуглые подсели;
Свой дикий взгляд она хранит,
Устами молча шевелит
Или бессмысленно порою,
Вздыхнув, качает головою.
Но грянул своенравный хор —
Блеснул её туманный зор,
Уста улыбка озарила;
Воскреснув в крике хоровом,
Она, весёлая лицом,
С ним голос яркий согласила.
Умолкнул хор — и вновь она
Сидит сурова и мрачна.
Так воротилась в табор Сара.
Судьбы последнего удара
Цыганка вынести не могла
И разум в горе погребла.
Вотще родимые напевы
Уносят душу бедной девы
В былые, лучшие года!
Так резвый ветер иногда
Листок упавший подымает,
С ним вьется в светлых небесах,
Но, вдруг утихнув, опускает
Его опять на дольний прах.

1829-1831, 1842

„Наложница. Сочинение Е. Боратынского. М. 1831“
„Цыганка, переделанная в 1842 г. Написана в 1830“